

Евгений Малинин
Драконья алчность, или
Дело Алмазного Фонда
Серия «Драконье горе», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124245
Драконья алчность, или Дело Алмазного Фонда: АСТ, Люкс; Москва; 2005
ISBN 5-17-026539-5, 5-9660-0792-6

Аннотация

Расследование дерзкой кражи...

Мечта всякого провинциального журналиста!

Но на этот раз расследование заходит, пожалуй, слишком далеко... в поднебесную.

В мир мудрецов-монахов и ловких, обаятельных разбойников.

Мир храмов и монастырей, шумных, богатых городов, бесчисленных школ высоких боевых искусств, оборотней-цзинов. Великих магов и жестоких интриг императорского двора...

Как случилось, что именно в этот мир попали драгоценности, похищенные из Кремлевского Алмазного Фонда?!

Читайте шедевр отечественной «ориентальной» фэнтези – новый роман Евгения Малинина!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	40
Глава 4	61
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Евгений Малинин

Драконья алчность, или Дело Алмазного Фонда

«... Если литература не фантастична, то она не литература, а если фантастика не доходит до крайности, она не фантастична. Так можно понять, что самые фантастичные события в мире суть самые подлинные...»

Юань Юйлин, предисловие к роману «Путешествие на Запад» XVII в.

Пролог

«... О, Желтый Владыка, как же я устал!! Даже омовение в жасминовой воде и чашка любимого сливового вина не сняли эту усталость!!! Но зато дело сделано... или почти сделано! Я – воистину великий маг Поднебесной, ибо кому еще удалось бы без Нефритовой Книги создать заклинание, созидающее Врата?! А мне удалось не только это, мне удалось пройти через эти Врата, и я открыл Иной Мир!.. Странный Мир... Страшный Мир... Мир без магии, Мир, лишенный высокого Искусства!! Долго мне пришлось изучать этот Мир, чтобы понять его... долго я наблюдал за его обитателями, этими... варварами, придумывающими какие-то уродливые устройства, уродующие и самих этих... жителей и сам Мир. Не хотел бы я родиться и жить в этом Мире, зато... хи-хи-хи... теперь я могу использовать его для своих великих целей!! Все, все будет в моей власти – и эти смешные, слепые и глухие жители, и их необычайные машины, и самое главное, самое бесценное, что есть в этом уродливом Мире – камни!! Самоцветы!!! Хи-хи-хи... это ж надо додуматься – пускать в свою сокровищницу всех, кого ни попадя! Всех, кому захочется взглянуть на это... это... Да разве можно это описать!!!»

Маленький старичок со сморщенным личиком, узенькими горящими глазками и длинной белой бородой, которую он нес, перевесив через левую руку, разодетый в роскошный парчовый халат, сафьяновые туфли и крошечную шапочку из переливчатой тафты нервно потер ладошки, а потом странным ощупывающим движением провел руками по обеим сторонам груди сверху вниз, словно проверяя на месте ли его... добыча.

Удовлетворенно вздохнув, он продолжил свою торопливую прогулку, неуклюже топая по извилистой дорожке сада, замощенной плитками дикого камня. А дорожка эта причудливо петляла меж кустов отцветающего жасмина, в коротко подстриженной траве, рядом с искусно загущенной порослью бамбука. Затем она превращалась в тропу, выбегала на горбатый каменный мостик, перекинутый через неширокий водный поток, огибала затененную беседку, прикрытую легкой четырехскатной крышей с загнутыми вверх карнизами, и вновь теперь уже по деревянному мосточку, пересекала речку. И снова тропа переходила в мощеную дорожку, по большой дуге возвращающуюся к любимому павильону старичка. Он заканчивал уже четвертый большой круг, но не замечал этого. В лихорадочном возбуждении удачи он размышлял... размышлял... размышлял...

«... А этот ублюдок, присвоивший мое имя!.. Он думал, что своим ублюдочным заклинанием он разорит и уничтожит меня!.. Это ж надо придумать такое подлое волшебство!.. Ну нет... „ве-ли-ко-леп-ный“ Цзя, теперь у меня есть, чем внести Дань Желтому Владыке, а через год ты сам будешь валяться у меня в ногах, вымаливая прощенье... Нет! Вымаливая возможность мыть полы в моей усадьбе!..»

Карлик недоуменно посмотрел на павильон, к которому вернулся в очередной раз и пошел на следующий круг своей прогулки.

«... Надо еще поработать над заклинанием Врат, что-то в нем не так!.. Необходимо устранить это непонятное сопротивление, это противодействие пропуску артефактов из открытого мной Мира... Что такое – всего четыре камня за посещение! Я должен иметь возможность переносить в Поднебесную из этого ущербного Мира все, что захочу и сколько захочу! Сколько угодно камней, сколько угодно этих... варваров!.. А как Сила попадая в этот Мир, стремится к его жителям, она буквально... прилипает к ним! Имея таких... кхм... накопителей, мне не придется опасаться, что мой хапас Силы истощится, и тогда трепещи подлый, вероломный, „великолепный“ Цзя!!! Да, именно так, сразу же после Праздника сбора Дани я вернусь к своему заклинанию Врат!.. И, я решу эту проблему, не будь я Неповторимым Цзя, и тогда!!!»

Глава 1

*«Считайте, что вещички мне
Вы сдали на хранение,
И пребывайте, граждане,
В хорошем настроении...»*

*Песенка домушника из спектакля московского театра Сатиры
«Маленькие истории большого дома»*

Моя кобыла бодрым шагом двигалась по широкой Восточной дороге, замощенной желтым камнем. Справа тяжело выступал бронированный жеребец сэра Вигурда. Сам маркиз был в полном боевом облачении, и его лицо прикрывало черное забрало, выглядевшее довольно странно на лазоревом цвета шлеме. Слева на своей белоснежной лошадке гарцевала моя Кроха, моя фея Годена, моя... несостоявшаяся любовь... А перед нами выросли серые стены замка Сорта, фамильной цитадели графа Альта.

Годена молча улыбалась мне, и только в ее глазах пряталась печаль скорой разлуки, а мое сердце разрывалось на части. Я знал – через несколько минут она погибнет, спасая меня от колдовства карлика Оберона, и я останусь один в этом неприветливом Мире! Я знал и ничего не мог сделать! Ничего!.. Я не мог даже говорить, потому что мое горло перехватывали быстрые слезы, потому что я в который раз прощался с моей феей Годеной, с моей светловолосой красавицей...

И в этот момент легкое цоканье копыт внезапно перекрыло какое-то яростное, звонкое дребезжание. Я растерянно огляделся, но вокруг никого не было, более того, фигуры феи и сэра Вигурда, внезапно подернулись дымкой и стали какими-то плоскими, нереальными...

И снова по ушам ударил резкий перезвон, прогоняя остатки моего сна. Я открыл глаза, тряхнул головой, окончательно приходя в себя, вытер привычные уже сонные слезы и протянул руку к стоящему рядом с кроватью телефону.

Звонил, как оказалось, Толик Корсаков, мой московский друг, один из двух людей, знавших правду о спасении старшего лейтенанта милиции Юрки Макаронина, и о моем участии в этом деле. Год назад мы познакомились с ним во время вручения премий МВД России в области литературы. Он, так же как и я, был журналистом-криминальщиком, в смысле освещал криминальные новости, и работал в одной из московских газет. Мы близко сошлись на почве одинакового отношения ко всякого рода отраслевым премиям и наградам, а затем и подружился.

Однажды вечером, с полгода назад, когда я гостил в столице, за очень теплым, дружеским столом в маленькой московской кухне, в состоянии, надо признаться, приятного хмельного расслабления, я поведал своему коллеге эту историю. Я рассказал о том, как к жительнице нашего города, гражданке Фоминой Ф.Ф. странным образом попал «змей Горыныч карликовой породы» по прозвищу Кушамандыкбараштатун, оказавшийся сыном Демиурга совершенно иного Мира. Как этот крошечный трехголовый дракончик вышвырнул с Земли в свой Мир сначала донимавшего его участкового уполномоченного Макаронина, а затем и меня, поскольку я этого участкового разыскивал и сумел увидеть настоящий облик этого дракончика за личиной собаки, под которой тот прятался. Как в этом «ином Мире» я познакомился с двумя каргушами Фокой и Топсом и маркизом Вигурдом. Как они стали моими друзьями... Как, неожиданно для самого себя, я превратился в некую мифическую личность – Черного Рыцаря по прозвищу Быстрая Смерть, да вдобавок еще и «крутого» мага! Как разыскивал со своими новыми друзьями сначала пропавшего Юрика Макаронина, а потом самого Демиурга.

Рассказал о своих приключениях, о битвах с Красными Шапками и Лесными Мароде-рами, о колдовстве фрау Холле и карлика Оберона, о сквотах и благородных сэрах империи Воскот... о баггейне Барбате и ланнан ши Кариолане... О... Обо всем!.. Только вот о своей не сложившейся любви, о своей потере, о погибшей фее Годене я не сказал ни слова...

В результате я едва не опоздал к отправлению своего поезда, а Толька стал считать меня отъявленным фантазером и посоветовал написать эту, как он выразился, «занимательную историю» в виде романа... Что я, собственно говоря, и сделал!

И вот теперь именно Корсаков разбудил меня ранним, темным ноябрьским утром и неповторимо бодрим «московским» голосом предложил приехать в первопрестольную на очередное вручение «криминальных премий» – так он называл журналистскую премию МВД.

– Но... в этом году меня не приглашали... – несколько растерянно ответил я, – Как-то не довелось мне на этот раз спасти кого-нибудь из состава нашего внутреннего министерства...

– А и не надо никого из... состава... спасать! – немедленно возразил Толик, – Надо иметь хорошего друга, который позаботится о приглашении для тебя. И, поскольку ты такого друга имеешь в лице меня, считай, что приглашение у тебя в кармане!

Ну, разве я мог отказаться от такого подарка?!

Закончив разговор, я бросил взгляд на зелененькие циферки будильника и увидел, что уже вполне можно было покинуть постельку. Конечно, половина седьмого утра для пробуждения человека моей свободной профессии было чересчур рано, но мне подумалось, что пара свободных утренних часов, образовавшиеся в результате столь раннего пробуждения, вполне могут быть использованы для магических упражнений.

Правда, я уже успел убедиться, что магическое поле Земли слишком слабенькое для интенсивных, и, что важно, эффективных занятий магией – так, легкая магическая дымка, не позволявшая сформировать настоящего плотного кокона Силы. Но, тем не менее, мне почему-то нравилось заниматься разными магическими... «фокусами», например, выигрывать по мелочам во всякие лотереи, «угадывать» счет футбольных матчей, дарить девушкам в феврале распустившиеся ландыши... Или вот, как сегодня, убедить Савелия Петровича, нашего главного редактора, что мне просто необходима командировка в Москву, причем, убедить, так сказать, опосредствованно!

Едва начав свои «колдовские штучки», я понял, что мое начальство еще поживает, и это обстоятельство чрезвычайно облегчило мою задачу – внушать что-либо сонному человеку гораздо проще, нежели бодрствующему. А убедиться в успехе своего предприятия я смог, как только прибыл в редакцию. Еще в проходной, дежуривший там милиционер передал мне, что главный редактор уже интересовался моей персоной. Я, конечно же, поспешил в приемную, и Галочка, заменившая вышедшую замуж Светочку, на посту секретаря, немедленно пропустила меня к Савелию Петровичу.

Главный, оторвавшись от некоего машинописного текста и посмотрев на меня привычным суровым взглядом, негромко произнес:

– Тут мне из Москвы звонили, подняли ни свет, ни заря... Просили командировать тебя в столицу... правда, я не совсем понял для чего... Так что ты давай оформляй командировку... дней на пять-шесть не больше, и... отбывай... Осветишь, так сказать, столичный криминал провинциальным прожектором.

И он вернулся к своей распечатке.

Я бодро шелкнул каблуками и козырнул, чем вызвал недовольную гримасу Савелия Петровича, а затем вернулся на свое рабочее место – надо было прихватить на всякий случай диктофон. И тут меня подждал наш «военный» корреспондент Славка Злобин.

С этим «армейским кексом» я познакомился на почве моего нового увлечения. Дело в том, что, вернувшись из своей экспедиции, по поиску старшего лейтенанта Макаронина, я

сильно заинтересовался различным «холодным» вооружением, что вполне естественно для Черного Рыцаря по прозвищу Быстрая Смерть. И наш военкор Злобин, изнывавший от тоски по военным действиям на территории нашего военного округа, принялся снабжать меня различными военными железками на совершенно бескорыстной основе. Он даже пытался научить меня владеть всеми этими штык-ножами, парадными кортиками и саперными лопатками... Это меня-то, Черного Рыцаря, блестяще владеющего... владевшего... самым настоящим мечом – баггейн ему в печенку!!!

Отстал он от меня только тогда, когда я, презрительно воззрившись на очередной тесак морского пехотинца US ARMI, проговорил:

– Ты что, считаешь меня членом подпольного цеха по сбору утильсырья? Зачем мне этот лом черных металлов! Вот если бы ты смог достать настоящий эспадон, килич или хотя бы гоубан, мы могли бы серьезно побеседовать.

Славка, насмерть сраженный незнакомыми ему терминами, не появлялся на мои глаза месяцев пять, и вот как раз сегодня он вдруг опять нарисовался возле моего стола. Едва я уселся за свой рабочий стол и, наклонившись, открыл нижний ящик, как Славка притерся губами к самому моему уху и трагическим шепотом сообщил:

– Имеется настоящий гладиус!..

Его взгляд пылал восторгом неопита, посвященного в святая-святых. Мне жаль было его разочаровывать, но... он мне надоел. Сурово сведя брови, я авторитетно заявил:

– Древнеримские подделки меня не интересуют. Вот если бы у тебя образовался хепеш или, к примеру, дзюдте...

Тут я замолчал и многозначительно поднял глаза к потолку.

Славик выпрямился, лихорадочно облизал враз пересохшие губы и, развернувшись, направился к выходу походкой сомнамбулы, негромко приговаривая: – Кипиш... дзюдто... дзюдто... кипиш...

Вытащив диктофон и уложив его в командировочный кейс, я покинул свой «второй родной дом»... А может даже первый...

Затем я заскочил к себе на квартиру, чтобы собрать кое-какие личные вещи, в числе которых был и один из мешочков с камешками, подаренных мне в прошлом моем приключении щедрым Мауликом. Его я взял так, на всякий случай... вдруг придется открывать портал перехода.

Через час я был на вокзале, а еще через... некоторое, довольно долгое время въезжал в столицу нашей великой Родины, город-герой Москву.

Меня, естественно никто не встречал, ну да я уже большой мальчик, так что смог вполне самостоятельно добраться до улицы Гиляровского, бывшей второй Мещанской, где на третьем этаже шестиэтажного кирпичного дома обретался мой друг Корсаков. Как ни странно, тот был дома, поджидая меня... и поджидая с явным нетерпением.

Едва я успел переступить порог гостеприимной Толькиной квартиры, как он, с места в карьер, выдал:

– Слушай, мне тут... кое-кто звонил... В общем, произошло что-то из ряда вон выходящее!.. И не где-нибудь, а... там!

При этом он многозначительно поднял глаза к потолку.

– На небе что ль?.. – изобразил я недалекого провинциала.

– В Кремле, умник!.. – мудро улыбнулся в ответ Корсаков, – Я Маратыча попросил, чтобы он меня в курсе держал, да только...

Толик безнадежно махнул рукой, давая понять, что проникнуть в Кремль вместе со следователями, уж не знаю, Лубянки ли, Петровки ли, ему, а уж тем более мне, вряд ли светит, и на Маратыча в этом деле надежды совсем мало.

Впрочем, я тоже довольно хорошо знал этого самого Маратыча – Саленко Сергея Маратовича, работника МВД по связям с общественностью... в чине полковника. Правда, под «общественностью» сам Маратыч понимал исключительно работников прессы, ну так нам такой односторонний взгляд на общественность никак не мешал.

– Так что, ты встал на тропу войны, и мы на церемонию вручения премии не едем? – поинтересовался я. Только недовольно поморщился и достал из кармана узкий длинный конверт.

– Вот твое приглашение, – он протянул конверт мне, – А я, пожалуй, не поеду... Чует мое сердце, что это дело... – он повторил свой взгляд в потолок, – ... Может стать настоящей сенсацией!

– Сенсацией, говоришь? – я задумчиво уставился на широкую Толькину физиономию, вспоминая напутствие своего главного редактора, – Тогда я тоже останусь... Вдруг удастся приобщиться к столичной сенсации.

И тут мне пришла в голову, на мой взгляд, интересная мысль?

– Слушай, а может мне самому позвонить Маратычу? Прикинусь валенком, вдруг он мне что-нибудь сболтнет?

Только с большим сомнением покачал головой?

– Позвони, если хочешь... Только этот не проболтается... Третий калач... по связям...

Тем не менее, я извлек из кармана свою заветную записную книжечку и набрал номер.

– Полковник Саленко слушает! – после первого же гудка пророкотала трубка.

– Здравствуйте, Сергей Маратович! – с подобающим энтузиазмом и в тоже время достаточно масляно начал я, – Вас приветствует доблестная провинциальная пресса!

– Хм... Не узнаю... Кто конкретно?..

Вопрос был задан по... привычке к «контактам» – хозяин рокочущего баритона явно потерял интерес к собеседнику. Однако мне казалось, что я уже знаю, как заинтересовать высокое милицейское начальство.

– Конкретно, ваш протеже – Сорокин Владимир! Прибыл в столицу на торжественную церемонию вручения премии МВД и надеюсь увидеть вас в зале... Услышать, чем живет министерство из первых, так сказать, уст!

– Э-э-э... – протянул явно польщенный полковник, но я не дал ему возможности придумать причину своего отсутствия, – Вы ж знаете, у меня только на вас надежда...

В моем тоне было столько отчаяния, смешенного с... трепетной надеждой, что полковник ну никак не мог меня просто взять и послать – все-таки столичное воспитание.

– К сожалению, сегодня мы вряд ли сможем увидеться. На церемонии меня не будет, готовим срочный пресс-релиз... по одному... э-э-э... очень деликатному делу...

– Неужто, убийство члена правительства!!! – совершенно натурально изумился я.

– Нет, – коротко и увесисто выдохнула трубка, – Значительно серьезнее и... деликатнее.

– Да что ж может быть еще серьезнее и... деликатнее?!

Мое провинциальное изумление не знало границ.

В трубке долгую секунду таилось молчание, а потом коротко рокотнуло:

– Ограбление!..

– Хо, ограбление! – с радостным облегчением воскликнул я, – Да у нас в области ограбления происходят по три раза на день! Если бы наше УВД по каждому такому случаю пресс-релиз выпускало, им бы работать было некогда!

– Ну, ты, Сорокин, сравнил! – покровительственно-пренебрежительным тоном протянул мой высокий собеседник, – Да что в вашей области можно ограбить?! Краеведческий музей?! Или в ваших... палестинах... тоже выставка государственного Алмазного фонда появилась?!

– Нет!.. Откуда у нас Алмазный фонд, в нашем городе и алмазов-то раз-два и обчелся... – я испугался и растерялся одновременно и тут же резко сменил тему разговора, – Значит, я с вами ну никак не смогу увидеться?..

– Ну, разве что завтра, послезавтра... – задумчиво ответил полковник, – Ты у Корсакова, небось, остановился?

– У него, – бодро подтвердил я.

– Так давай, значит... завтра ближе к вечеру... позвони, может, пару часов для тебя выкрою...

И в трубке зазвучали короткие гудки.

Я опустил трубку на рычаг и посмотрел в ждущие Толькины глаза.

– А случилось то, мой дорогой друг, что... Алмазный фонд ограбили!..

– Что взяли?! – немедленно поинтересовался этот «акула пера».

– Откуда ж я знаю?! – усмехнулся я в ответ, – Думаешь Маратыч вот так запросто мне все и рассказал. Нет, он проговорился, что очень занят, потому как готовит пресс-релиз, но, конечно, не сказал по какому случаю, это уж я сам допетрил... из его оговорок да проговорок!

– Та-а-а-к! Что же делать?! – Корсаков энергично потер пальцами лоб, надеясь, видимо, этим способом вызвать приток гениальных мыслей.

– Что делать, что делать... – передразнил я его, – В Кремль ехать. Может, на месте что выясним!

– Да кто ж нас туда пустит?! – воскликнул Толька, возмущенный моей простотой.

– А ты думаешь, Кремль закрыт? – удивился я.

– Да не Кремль – выставка Алмазного фонда! – еще больше возмутился мой старший товарищ.

– Давай-ка, доберемся до Кремля, а там видно будет, – миролюбиво предложил я.

Толька несколько ошарашено посмотрел мне в лицо, явно удивленный моим провинциальным нахрапом, и вдруг согласился:

– А поедем!..

Машина у Корсакова была, мягко говоря, очень... б/у – вконец раздолбанная «пятерка», но водил ее Толька по-московски, классно, так что, несмотря на жуткие дневные пробки, мы были у Кутафьей башни Кремля уже через полчаса.

На территорию Кремля мы прошли совершенно беспрепятственно, а вот дальше начались некоторые трудности. Но у Корсакова проснулся журналистский азарт, на который наложилась московская наглость. В кассах Оружейной Палаты и Алмазного фонда нам коротко сообщили, что посетителей на выставку Алмазного фонда не пускают, так как там сейчас происходит... смена экспозиции.

Так!.. – ответил Толик сам себе на некий невысказанный вопрос и направился напрямик к входу в эту самую экспозицию. В дверях нас встретил милиционер в отутюженной форме, чине старшего лейтенанта и явно не москвич. О последнем обстоятельстве я догадался сразу же, как только Корсаков завел со стажем порядка разговор.

– Добрый день, лейтенант, – напористо поздоровался Корсаков, понижая служивого в чине, – Эксперт-криминалист еще не выходил?!

Сталей как-то косо посмотрел на моего товарища, видимо не понимая истоки его осведомленности, и нехотя ответил:

– Никто не выходил...

– Ну, уж так и никто?! – нагло улыбнулся Толька, – Степан Сергеевич наверняка уже уехал...

– Какой Степан Сергеевич? – удивленно переспросил милиционер.

– Как это какой? – в свою очередь удивился Толька, – Разве следствие ведет не Шумский Анатолий Федорович? – и на секунду задумавшись, как бы про себя добавил, – Или это дело Страшнову поручили?..

Милиционер здорово растерялся от такого обилия незнакомых терминов и солидных имен с уверенностью называемых удивительно раскованным типом в штатском.

– Ну, я не знаю... – неуверенно протянул он, – До меня, вроде бы, человек пять приезжало, а с тех пор, как я заступил, прибыло два генерала, полковник и трое в штатском... А вот кто из них Анатолий Федорович или Степан Сергеевич, я не знаю...

– Но полковника Саленко ты хоть знаешь? – повысив голос, возмутился Корсаков.

В этот момент я решил немного помочь столичной журналистике. Чуть напрягшись, я мысленно слегка толкнул сознание бедного старшего лейтенанта, и тот немедленно вспомнил?

– Ну! Конечно знаю... Сергей Маратович!

Говорил он очень уверенно, но в глубине его глаз таился вопрос к самому себе – «Откуда же это имя мне известно?..»

– Так вот именно Сергей Маратович и посоветовал нам разыскать Анатолия Федоровича – ведь это ему поручено расследование ограбления?!

Тут молодой старший лейтенант просто испугался. Заметно побледнев, дрогнувшим голосом он переспросил:

– С чего это вы взяли, что здесь произошло ограбление?.. Какое здесь может быть ограбление?.. Вы что, шутите?!

– Ладно, мы не собираемся обсуждать эту тему!.. – резко махнув рукой, оборвал его Толька, – Ты скажи, как нам отыскать Шумского, и больше к тебе вопросов не будет!..

Старший лейтенант чуть было не сказал, что в помещение выставки никого пускать не велено, но я снова слегка толкнул его сознание, и вместо приготовленной отповеди, он неожиданно для самого себя брякнул:

– Они все сейчас в первом зале... Но скоро должны выйти... Там и посмотреть-то особенно не на что...

Тут он огромным усилием воли заставил себя замолчать, удивленно похлопав ресницами.

– Ну и прекрасно! – с воодушевлением воскликнул Толик, – Мы сами их найдем, можешь нас не провожать!..

Ухватившись за мой рукав и бросив, как само собой разумеющееся: – Это со мной... – он потянул меня внутрь помещения.

За нашими спинами раздалось слабое, растерянное: – Э-э-э... – но мы, brave журналисты, даже не оглянулись на оболваненного милицейского офицера. Уже в темноте коридора я едва слышно поинтересовался:

– А если следствие ведет не Шумский, что мы будем делать?

– Да не знаю я никакого Шумского – Мумского... – пробормотал в ответ Корсаков, – Просто назвал первую, пришедшую в голову, фамилию, чтобы казаться осведомленным!..

«Вот так действуют московские журналисты! – восхищенно мелькнуло в моей голове, – Будет, о чем написать в моей милой провинциальной газете!»

Между тем темный коридорчик кончился солидной дверью, но между нею и косяком наличествовала вполне достаточная щель – достаточная для того, чтобы слышать, о чем говорили в комнате. А разговор этот был весьма интересен!

– ... этого просто не может быть! – не громко, но очень авторитетно гудел явно начальнический баритон, – Нет в криминалистической практике случаев, чтобы грабитель не оставил ну совершенно никаких следов!..

– И, тем не менее, генерал, это так, – ответил баритону усталый и какой-то безразличный тенорок, – Мои специалисты осмотрели все помещение выставки очень внимательно и... ничего не обнаружили... А я своим специалистам вполне доверяю...

– Доверяете! – баритон заметно раздражался, – Значит, я должен поверить в то, что грабители летали по помещению и вскрывали витрины, не прикасаясь ни к стенам, ни к стеклам, ни к потолку, ни к полу!.. Да вы у нас, милый Николай Васильевич... сказочник! Гоголь, случаем, не ваш псевдоним?.. Вы что же, хотите заставить нас поверить в нечистую силу, которая, кстати, еще и сигнализацию отключает!

Грозный монолог на секунду прервался, после чего зазвучал в несколько ином ключе:

– А, вот и наши... к-хм, музейные деятели! Ну так что, определили вы, наконец, что конкретно похищено?!

– Да, това... госпо... генерал, – ответил очень неуверенный, даже слегка дрожащий голос, – Похищены изумрудная брошь, сапфировая брошь, алмаз «Шах» и эгрет в виде фонтана...

На секунду в комнате повисло молчание, а затем с некоторым даже облегчением снова прозвучал баритон:

– Ну, не так уж и много...

– Не много!.. – неожиданно взвизгнул докладывавший о пропажах голос мгновенно ставший уверенным до истерики и срывающимся на фальцет, – Не много!.. Три камня из семи исторических камней Алмазного фонда и одно из наиболее значительных художественных произведений – это, по-вашему, немного?!!

– Скажите спасибо, что у вас не утащили большую императорскую корону, скипетр и державу!.. – неожиданно брезгливо осадил истерику баритон, – А эти... пропажи... мы как-нибудь... замнем...

И снова за дверью наступила тишина, было слышно только шумное дыхание явно обиженного музейного деятеля. Только спустя несколько секунд, баритон снова вернулся к прерванному, было, разговору:

– Так все-таки, Николай Васильевич, как могли похитители забрать... э-э-э... экспонаты, не вскрыв и не повредив остекление витрин?..

– Не знаю... – негромко ответил усталый тенор, – Пока не знаю... Но узнаю...

– Вы уверены в том, что узнаете?.. – слегка насмешливо поинтересовался баритон...

В этот момент мне на плечо легла чужая тяжелая рука, и позади нас раздался негромкий уверенный голос:

– Вы кто такие, и каким образом проникли сюда?!

Вслед за этим нехорошим вопросом последовал увесистый толчок, мы с Корсаковым, подпихивая друг друга... открыли дверь и ввалились в помещение, где происходил подслушанный нами разговор. Следом за нами вошел невысокого роста, коренастый мужчина лет сорока с двусмысленной улыбкой на грубо вылепленной физиономии.

– Вот, господа, посмотрите, для кого вы тут вели обсуждение! – все так же спокойно проговорил наш... пленитель, – И где же ваша хваленая секретность!..

Вся компания, собравшаяся в переднем зале выставки, уставилась на нас.

Я бегло осмотрелся. Помещение было неярко освещено, причем большая часть освещения проистекала от подсветки витрин. На, странного вида, корявых табуретах сидело четверо мужчин: трое в штатском и один в милицейском генеральском мундире. Чуть в стороне, около одной из витрин стоял еще один милицейский генерал, а напротив него невысокий старичок в весьма непрезентабельном костюмчике. Рядом со стариком растерянно топталась совсем еще молодая женщина в неброском темном платье, с гладко зачесанными волосами и огромными очками на тоненьком носу. На ее лице было написано самое настоящее горе. Двое довольно молодых мужчин в штатском копались в отдаленном углу, фотографи-

руя одну из витрин каким-то чудным фотоаппаратом, оснащенным фотообъективом совершенно невообразимой величины.

– А вот этого молодца я знаю!.. – заявил вдруг стоявший милицейский генерал знакомым баритоном, – Это... э-э-э... Корсаков... корреспондент весьма желтенькой газетки! «Криминальный беспредел» – это ведь твоя рубрика, милейший? – обратился генерал к Тольке с очень нехорошей улыбочкой.

– Вот только прессы нам здесь не хватало... – брезгливо пробурчал один из сидящих штатских уже слышанным тенором.

– А второй, по всей видимости, фотограф... – высказал предположение сидевший генерал, – И где же твоя камера, милейший?.. – обратился он ко мне.

Я ничего не ответил на вопрос генерала, да тот и не ждал никаких ответов. Вместе со своим коллегой, он принялся обсуждать, что же делать со слишком любопытными журналистами... но я и в этот, казалось бы, жизненно важный для меня и прямо ко мне относящийся, разговор не вникал. Я вдруг понял, что весь этот зал до краев наполнен чудовищной, бьющей через край, дикой и совершенно неорганизованной магической энергией! Она клубилась вокруг собравшихся людей неким безумным смерчем, словно ее кто-то бросил на произвол судьбы, и она не знала, как покинуть это помещение!

Едва я уловил ее присутствие, которого никто другой, естественно, не замечал, как мне в нос ударил сильнейший запах... он был не хорош и не плох, он был просто чрезмерно силен, так что физиономия у меня, видимо, здорово скривилась. И на мою невольную гримасу тут же прореагировал баритонистый генерал:

– Гляньте-ка на этого... фотографа! И так имеет физиономию бандита-рецидивиста, так он еще рожи корчит... Нет, надо их обоих в Лефортово упрятать, пока мы тут не разберемся...

– В крайнем случае, у нас будет двое подозреваемых... – индифферентно поддакнул штатский тенор...

И в этот момент я снова отключился от разговора. Отключился, потому что явственно увидел, как в нижней части противоположной стены зала, рядом с одной из слабо подсвеченных витрин, медленно проступает невысокая вычурная арка портала перехода, затянутая струящимся черным зеркалом. В то же мгновение вся клубящаяся в зале магическая энергия свернулась в тугой шар и метнулась в сторону портала. Ударившись о непроницаемую черноту, этот шар снова расплылся беспокойным облаком, облако отхлынуло прочь, заметалось по залу, словно разыскивая что-то, и вдруг... И вдруг оно медленно, но целеустремленно потянулось в мою сторону, закружилось вокруг меня, окутало меня невидимой, но ясно осязаемой пеленой... уплотнилось!..

Только тут я понял, что портал перехода проявился из-за моего здесь присутствия, что он признает во мне... Мага! Так же, как и сгусток Силы, появившийся здесь... неизвестно откуда!

Уже укутанный все уплотняющимся коконом Силы, я невольно пробормотал: – Господи ты, Боже мой... – и непроизвольно шагнул в сторону портала, словно тот безмолвно, но настойчиво звал меня к себе. Мне стало ясно, кто был этот не оставляющий следов похититель и куда он ушел! Но вот откуда он пришел!!!

Я сделал еще один шаг в сторону портала...

– Эй... фотограф, стой-ка на своем месте! – попытался остановить меня генеральский баритон, – Нечего тебе здесь топтаться!

Но я его не слушал, я сделал еще один шаг, не отрывая глаз от черного переливающегося зеркала и отдаваясь его зову.

Позади меня раздался спокойный, но полный угрозы, мужской голос:

– Стой, стрелять буду!..

Я почему-то был совершенно уверен, что обладатель этого голоса выстрелит не раздумывая, но в то же время я был уверен и в том, что эта стрельба уже ничем мне не грозит. Так и вышло. Едва я начал свой следующий шаг, как позади меня сухо щелкнул выстрел, и пуля, взвизгнув в окутавшем меня коконе, резко изменила направление полета и ударила в потолок.

– Да на нем бронежилет!.. – удивленно произнес за моей спиной стрелок, – Тогда попробуем так!..

И он снова спустил курок, на этот раз, видимо, целясь мне в голову.

Однако и эта пуля прошла мимо, а следующего выстрела я уже не услышал. Неведомая сила приподняла меня над ковровым покрытием зала и мягко, но сильно втянула во вдруг замершее черное стекло. Зал исчез, и все вокруг погрузилось на несколько секунд в темноту...

Глава 2

11. Наставляйте младших, чтобы отворотить их от зла. (Шестнадцать наставлений народу императора Канси. XVII век.)

Меня несло в крошечной тьме, словно поезд в лишенном освещении горном тоннеле. Раза два-три я буквально протискивался между незримых стен перехода, а один раз приложился головой – видимо портал ставил не слишком крупный маг... Не слишком крупный в смысле габаритов... Да и сам переход продолжался чересчур долго, похоже конструирующее портал заклинание было не совсем удачным! Впрочем, оставался маленький шанс на то, что переход поставлен... временный, и, значит, я мог оказаться в том же зале, но в... другое время! Наконец тьма, стелившаяся перед моими глазами, рассеялась, я увидел, что нахожусь не в помещении выставки Алмазного фонда России, а... на абсолютно открытом... пленере.

Прямо передо мной мягко шелестела листвою небольшая рощица, метрах в двадцати правее проходила дорога, обычный пыльный деревенский тракт, накатанный колесами телег. Дорога плавно сворачивала за деревья рощи, с левой ее стороны раскинулось поле, засеянное каким-то злаком. Впрочем, хотя я и хорошо знаком с сельской жизнью, определить, что это за посевы, мне не удалось.

Справа, до самого горизонта, тянулась странная кочковатая равнина, поросшая мелким кустарником и высокой, кустистой травой. По всей этой равнине довольно часто были разбросаны огромные валуны. На горизонте едва видневшиеся в окутывающей их дымке, стояли горы. А позади меня мягко мерцало переливающееся черное зеркало портала перехода, но теперь уже оно не притягивало меня, а отталкивало!

Всю эту совершенно незнакомую мне панораму я охватил одним быстрым взглядом, а в следующее мгновение услышал быстрое негромкое и совершенно непонятно бормотание, раздававшееся из-за куста, похожего на орешник, стоявшего на самой опушке рощицы. Я быстро сложил пальцы в «замок» нашептал заклинание «Полного понимания» и сильно дунув в сторону бормотания расцепил руки. В то же мгновение бормотавший голос стал абсолютно понятным:

– ... он мне совершенно необходим!.. Всеблагое Высокое Небо, я надеюсь, что моя просьба не слишком высокомерна или обременительна и что она не входит в противоречие с желаниями Желтого Владыки, которого я всем сердцем уважаю и даже... к-хм... люблю! Если Высокое Небо снизойдет к моей ничтожной просьбе, я обязуюсь всячески наставлять своего ученика и передать ему все свои многочисленные знания и умения...

Сначала я подумал, что некто, плохо различимый за кустом, возносит молитву, но потом тон этого быстрого речитатива показался мне не слишком подходящим для обращения к высшему существу, скорее это было нечто вроде... односторонней договоренности или убедительной просьбы, подтверждаемой некими, не совсем понятными мне, обещаниями. Поэтому я осмелился перебить говорившего:

– Уважаемый, не подскажешь ли, как мне добраться до ближайшего населенного пункта?

За кустом что-то интенсивно зашуршало, и в следующее мгновение на опушку выскочил странного вида старичок.

Его щекастое круглое лицо было настолько густо изрезано самыми разнообразными морщинами, что походило на хорошо пропеченное темно-коричневое яблоко. Нос вылезал между щек бесформенной картошкой, а по обеим сторонам этой картошки посверкивали узко прорезанные, сейчас, правда, широко раскрытые от удивления глазки. Это весьма своеобразное лицо украшали густые, лохматые брови, шевелящиеся над глазами, словно они

жили своей собственной жизнью, и длинные, свисающие много ниже подбородка усы, заплетенные в довольно сальные косицы. Череп старика был абсолютно гол, причем казалось, что волосы не сами выпали, а их удалили каким-то специальным образом. Темно-коричневая кожа на черепе была, в отличие от лица, туго натянута и являла миру затейливо шишковатую голову.

Одет старик был в некое подобие свободного коричневого халата, оставлявшего открытыми шею, верхнюю часть груди и руки почти до локтя. Снизу халат доходил старику почти до середины икр голых ног, обутых в простые деревянные сандалии. В своей правой руке он держал чань-бо – посох, напоминавший скорее длинную жердь, верхний конец которой был украшен стальным полумесяцем, а нижний напоминал неширокую лопату, обшитую по нижнему краю металлом.

Почти минуту он разглядывал меня своими блестящими, быстро бегающими глазками, а затем вдруг воткнул свой посох в землю, вскинул руки вверх, так что широкие рукава сползли почти до его худых плеч, и заорал:

– О Великое Небо, благодарю тебя, что ты столь быстро исполнило мою просьбу! Хотя, все-таки, я мог бы рассчитывать на нечто более достойное, чем этот нелепо одетый юноша с бандитской физиономией! Но я не ропщу, нет, я не ропщу – любой дар Неба – это дар Неба, и не мне, ничтожному, роптать!

После того, как этот странный по содержанию вопль был озвучен, старик опустил руки, посмотрел на меня, очень мне не понравившимся, каким-то собственническим взглядом, и сурово проговорил:

– А ты, неразумный юноша, раз уж именно тебя выбрало Великое Небо мне в ученики, изволь спуститься на землю и не смущать своего учителя столь непотребным висением в воздухе!

Я растерянно огляделся и только тут понял, что... парю в полуметре над землей. Поспешно шагнув на травку, я еще раз оглянулся. Черное зеркало по-прежнему находилось за моей спиной, правда теперь оно стало почти прозрачным, напоминающим чуть переливающееся плоское облачко.

– Очень хорошо! – довольно проговорил старичок, явно не видевший черный портал перехода и не ощущающий его воздействия, – Теперь позволь узнать твое имя, юноша...

– Владимир Сорокин... – немного неуклюже представился я, и старичок тут же завопил:

– Что за варварские звуки составляют твое имя?! Ни один из живущих в Поднебесной не сможет произнести ничего подобного, не сломав себе языка! – он чуть подумал и принял решение, – Отныне тебя будут звать Сор Кин-ир, и так тебя будут звать, пока ты не пройдешь курс обучения и не сдашь все полагающиеся экзамены!..

Я хотел, было возразить, что уже сдал все «полагающиеся» экзамены, но не успел. Старичок начал распоряжаться:

– За этим вот кустом, – он указал на куст орешника, за которым договаривался с Высоким Небом, – Лежит мешок с моими пожитками. Изволь взять его и следовать за мной!

Он повернулся ко мне спиной и неторопливо направился в сторону дороги, а я обошел куст и еще раз, уже спокойнее, осмотрелся.

За кустом, в самом деле, лежал небольшой мешок из ткани, похожей на ткань халата моего... к-хм... учителя, но не он привлек мое главное внимание. Я уже понял, что оказался в ином Мире, а теперь мне стало ясно, что у меня появился шанс найти злодея, ограбившего Алмазный фонд моей Родины и вернуть похищенное.

Кроме того, Мир этот был просто переполнен магической энергией, так что я вполне мог сформировать не только свой личный кокон, но и сколько угодно «жгутов», способных выполнить любой мой каприз! Тем не менее, мне показалось, что роль «ученика» при этом

странном старике, без сомнения отлично знающим эту, пока еще неведомую мне реальность, мне вполне подходит, так что...

Так что я подхватил, оказавшийся совсем не тяжелым, мешок и припустился следом за своим наставником.

Старика я догнал уже на дороге, он бодро вышагивал, пристукивая деревянными подошвами своих сандалий, из-под которых выпыхивали плотные облачка пыли. Пристроившись к шагу старика, я принялся изображать ученика, надеясь, что поначалу мне простятся невольные промахи.

– Могу я спросить почтенного учителя?.. – спросил я самым елейным тоном, на который был способен.

– Конечно! – ответил старик, не сбавляя шага, – Раз ты мой ученик, я буду отвечать на твои вопросы.

– Как зовут моего почтенного учителя?..

Старик остановился столь внезапно, что если бы я не держался чуть сбоку от него, я точно уткнулся бы ему в спину, а так мне удалось вовремя притормозить. С секунду постояв неподвижно, он резко обернулся ко мне. Его широко раскрывшиеся глазки выражали неподдельное изумление, кустистые брови высоко поднялись, так что по гладкой коже черепа побежали частые ровненькие морщинки.

– Ты не узнал меня?! Неужели мое лицо, мои манеры ничего тебе не говорят?!

Я смущенно пожал плечами и отрицательно покачал головой. После этого старик возвел очи долу и воскликнул:

– О Великое Небо, в каком варварском краю ты отыскало столь глубокого неуча?! – но тут же, спохватившись, добавил извиняющимся тоном, – Нет, нет... я не ропщу! Видимо Великое Небо хочет испытать мои способности, и ждет от меня великого подвига!..

Затем старикан снова повернулся ко мне и, сурово сведя брови к переносице, спросил:

– Так откуда же ты родом, юноша, если в ваших краях не знают великого Фун Ку-цзы?!

– Как сказал?! – оторопел я.

– Фун Ку-цзы!! – гордо повторил старик.

– Китаец, значит... – вслух подумал я.

– Если ты начнешь с того, что будешь называть собственного учителя непонятными и, вполне возможно, ругательными словами, тебе вряд ли удастся постичь мудрость Знания!

Эта отповедь моего учителя была сказана вполне спокойным тоном и в тоже время наполнена до краев горькой обидой, а потому я поспешил с оправданиями:

– Я никак не хотел обидеть своего почтенного учителя... Просто в тех краях... э-э-э... откуда я родом, слово «китаец» означает... э-э-э... очень мудрый человек.

Старик уже снова широким шагом мерил дорогу, а я старался держаться рядом, лишь чуть-чуть поотстав. Повернув ко мне свое широкое лицо, Фун Ку-цзы быстро оглядел меня и покровительственно кивнул:

– Да, Великое Небо, действительно принесло тебя издалека... Достаточно посмотреть на твою варварскую одежду... Должен тебе сказать, что путешествовать по Поднебесной в таком виде неприлично и... небезопасно. Тебя могут принять за гуи.

«Опять незнакомое слово...» – огорченно подумал я, а вслух поинтересовался:

– Гуи – это кто?..

Учитель глубоко вздохнул:

– Да, ты действительно издалека!.. Гуи это... Как бы это попроще объяснить?.. Ну, прежде всего, это не человек и не шень, это... Представь себе, что ты умер...

– С чего бы это?! – удивился я.

– Я сказал «представь себе», – сурово уточнил Фун Ку-цзы.

– Да не хочу я представлять себе такие ужасы! – возмутился я.

Старик бросил на меня быстрый и, как мне показалось, заинтересованный взгляд:

– Ну хорошо, представь себе, что умер... некто...

Я быстро кивнул, смерть некта я мог представить себе довольно отчетливо. Более того, я даже знал, кто будет этим некто! Как только я до него доберусь, я сам его с огромным удовольствием превращу в... этого... в гуи! Вот!!

– И это еще не все, – продолжал учитель, после моего кивка, – Некто умер на чужбине, насильственной смертью и не был похоронен должным образом. Вот тогда, после смерти, этот некто превратится в гуи...

«Ну точно про меня! – с некоторым мистическим ужасом подумал я, – На чужбине – про меня, насильственной смертью – про меня, и не похоронен должным образом тоже, скорее всего, про меня!»

– ... Или, если сказать точнее, в голодного гуи... – продолжал свое пояснение Фун Ку-цзы, – Поэтому, в первом же селении, а это будет Цуду, надо будет достать тебе надлежащую одежду! – неожиданно закончил он.

– А кто такой, только что упомянутый тобой, «шень»? – задал я новый вопрос. Старик посмотрел на меня еще более удивленным взглядом и коротко ответил:

– Шень – это божество... Великое или малое...

– Да-а-а... – словно завзятый подлиза, протянул я, – Учитель – великий мыслитель!..

Фун Ку-цзы довольно улыбнулся, но ответил мне строго:

– Я совсем не мыслитель, я просто – учитель, человек передающий знания, существовавшие прежде всяких... идей!..

– Тем не менее, – осмелился я вступить с учителем в спор, – Ты, наверняка, знаешь об этом Мире гораздо больше моего, я ведь только что появился здесь... Вот, например, много ли у вас волшебников, чародеев, кудесников – людей, способных повелевать силами... э-э-э... незримыми и неведомыми?..

Фун Ку-цзы бросил на меня косой, настороженный взгляд, но привычка поучать и здесь взяла свое. Хотя и с явной неохотой, он все-таки ответил на мой вопрос:

– Когда-то в Поднебесной было очень много приверженцев магического искусства. Причем каждый из них считал свое искусство гораздо выше искусства других магов. Однако открытой войны между ними не происходило, потому что Желтый Владыка очень плохо относится к любым проявлениям агрессии... Он считает, что раз все живущие в этом Мире подчиняются и служат ему, то и причин для вражды быть не должно. Однако с магами... к-хм... с магами произошла очень странная история. Они подали коллективную просьбу Желтому Владыке, в которой просили его разрешить им магические поединки с целью выяснения вот какого вопроса – кто же из них более чтит... Желтого Владыку?! И наш повелитель разрешил такие поединки, но потребовал, что бы маги обеспечили безопасность всем остальным живущим в Поднебесной. Магический поединок проводится только в присутствии представителя Желтого Владыки, и если во время него страдал простой смертный, обоих... поединщиков ждала немедленная смерть! Вот после этого... разрешения... от магов как-то очень быстро почти ничего не осталось...

– Но раз «почти ничего», значит, что-то все-таки осталось? – продолжал настаивать я.

– Ну, строго говоря, их осталось двое, – коротко ответил Фун Ку-цзы, – великий маг Цзя Лянь-бяо, по-другому – Неповторимый Цзя и великий маг Цзя Шун, или Великолепный Цзя... Есть еще несколько... магов, если их можно так назвать, но это всего-навсего свиты великих магов. Я даже не очень понимаю, зачем эти люди магам нужны. Так вот, сейчас между великими магами вроде бы заключено перемирие, но продлится оно, скорее всего, не далее чем до очередного праздника Сбора Дани... Вот во время этого праздника, видимо, и решится, кто будет главным и единственным великим магом Поднебесной.

– А что это за праздник Сбора Дани? – поинтересовался я.

Фун Ку-цзы удивленно посмотрел на меня:

– Ну, ты не знаешь уж совсем элементарных вещей!.. Тебе бы быть не у меня в учениках, а... – тут он поперхнулся несказанным словом и поднял глаза вверх, – Великое Небо я не ропщу!.. Ты видишь, я не ропщу!.. Но ученика ты мне послало удивительно тупого!..

– Не тупого! – обиделся я, – Просто я не знаю здешних реалий и потому, естественно, задаю слишком простые, может быть даже, очевидные вопросы! А соображаю я очень быстро, скоро, учитель, ты сам в этом убедишься!

Учитель вздохнул и кивнул головой:

– Хорошо, слушай. Праздник Сбора дани – это день, когда собирают дань для Желтого Владыки...

– День сбора дани – праздник?! – изумился я, – Да вы здесь прям... извращенцы какие-то!..

Фун Ку-цзы даже не посмотрел на меня, он буквально рухнул коленями в дорожную пыль и завопил:

– Великий Желтый Владыка, прости лишенного ума... э-э-э... юношу за сказанную им глупость!.. Он еще не понимает, какое счастье отдать в твою казну последнее, что имеет твой послушный... э-э-э... подданный! Какой это праздник и для души хунь, и для души по! Не лишай его счастья постичь величие праздника Сбора Дани, дай ему время приобщиться к всеобщему ликованию!

После этого он вдруг сложился пополам, уткнувшись своей круглой физиономией в дорожную пыль, и замер.

Я, признаться несколько опешил от такой неприкрытой, я бы сказал, яростной лести, обращенной... неизвестно к кому. Потоптавшись рядом с неподвижной, замершей в уничижительной позе фигурой, я неуверенно проговорил:

– Да ладно, учитель... Что уж так пугаться?.. Договоримся мы с вашим... этим... Желтым Владыкой... Если я что не так сказал, прощения попрошу... В конце концов, любой бы на моем месте удивился – ну посуди сам, разве не удивительно, что люди устраивают праздник по поводу изъятия у них части собственности?..

Голова Фун Ку-цзы оторвалась от дороги и чуть повернулась в мою сторону. С серой, пропыленной, физиономии на меня посмотрел узкий любопытствующий глаз. Секунду спустя, учитель выпрямился, усевшись на собственные ноги, и с некоторым сомнением заинтересовался:

– Ты еще жив?..

– А что со мной будет? – удивился я в ответ.

– Ну-у-у... – протянул старик, – Многие и за меньшее... это... без шкуры оставались...

Я пожал плечами:

– Да зачем вашему Желтому Владыке моя шкура?..

– А в назидания другим!.. – воскликнул Фун Ку-цзы, с кряхтением поднимаясь на ноги, – Один брякнет, не подумав, другой повторит, не осмыслив, третий придумает... анекдот про... власть! Вот так и нарушается установленный миропорядок!..

Я помог учителю стряхнуть большую часть приставшей к его халату пыли, и мы двинулись дальше.

Несколько минут я помалкивал, а затем, сообразив, что мой самозванный учитель не собирается самостоятельно вступать со мной в беседу, задал новый, весьма для меня важный, вопрос:

– Ты сказал, что в... Поднебесной осталось всего два настоящих мага, а тебе известно, где они живут?

– А тебе зачем?.. – осторожно переспросил Фун Ку-цзы.

– Ну-у-у, – немного неуверенно начал я, а затем решился, – Я и сам в какой-то мере... это... маг!..

И тут старичок неожиданно захихикал. Нет, он не остановился – он продолжал мерно шагать по дороге, но при этом все его тело мелко задрожало, голова запрокинулась вверх, и без того узенькие глазки превратились в две едва различимые щелочки, а из широко растянутых губ раздались странные звуки, весьма напоминающие... квохтанье курицы, отыскавшей в навозе червяка. Я даже не сразу понял, что это смех!

Впрочем, он смеялся настолько открыто и доброжелательно, что я даже не обиделся. Улыбнувшись в свою очередь, я добродушно добавил:

– И напрасно ты смеешься, учитель, я ж Великим Небом послан, прибыл к тебе необычным образом, значит и способности мои... э-э-э, не совсем обычные!

Старик прекратил хихикать, но посмотрел на меня веселым прищуренным взглядом и назидательно произнес:

– Если бы ты был магом или, хотя бы, учеником мага, Великое Небо не направило бы тебя ко мне. Нет, пустая твоя голова, не воображай о себе невесть что, твоя стезя это – ученичество, экзамен, должность при дворе правителя одной из провинций Поднебесной и в старости, возможно, ты станешь учителем... Если к тебе придут за мудростью молодые придурки!..

Мне показалось, что, говоря «молодые придурки», мой учитель каким-то образом имел в виду меня. Однако я не вспылал – то ли был уже не слишком молод, то ли не считал себя «придурком». Вместо этого я с видимым огорчением, но словно бы про себя пробормотал:

– Значит, ты не знаешь, где обитают ваши, так называемые, великие маги...

На что Фун Ку-цзы немедленно купился:

– Это почему же не знаю?! Отлично знаю! Однажды я даже целых две недели служил при... э-э-э... дворе Цзя Шуна.

– Кем?.. – тут же поинтересовался я.

– Неважно... – недовольно проворчал Фун Ку-цзы, – Важно то, что я знаю где живут оба великих мага, но тебе не скажу!..

– Почему?! – удивился я.

– Потому что праздные ответы на праздные вопросы не идут на пользу неразвитому уму! – назидательно ответил Фун Ку-цзы.

– Знаешь, учитель, – раздумчиво сказал я, – Если ты будешь строить мое обучение на постоянных оскорблениях, я, пожалуй, подыщу себе другого преподавателя...

– Не подыщешь! – самодовольно фыркнул старик.

– Это почему?

– Потому что Великое Небо направило тебя ко мне, и если ты не будешь выполнять волю Великого Неба Желтый Владыка накажет тебя!

– Накажет?! – чуть насмешливо переспросил я, – Да ваш Желтый Владыка знать не знает о том, что я попал в эту... в вашу... в Поднебесную!..

– Желтый Владыка знает все!!! – убежденно воскликнул Фун Ку-цзы, испуганно озираясь по сторонам, – Он знает каждого своего подданного, он знает наперечет всех живущих в Поднебесной!

– Ну, тогда, значит ваша... Поднебесная невелика, – уже с откровенной насмешкой воскликнул я.

Старик остановился, повернулся ко мне, уткнул сжатые в кулаки ладони в бока и грозно проговорил:

– Поднебесная необозримо велика!!!

– Так может быть, ты поведаешь мне о ней?.. – немедленно попросил я.

Фун Ку-цзы несколько растерялся от столь неожиданной смены разговора, но после краткого раздумья видимо решил, что такой рассказ несколько образумит его странного, безумного ученика. Поэтому он бросил на меня еще один суровый взгляд, опустил свои кулаки и буркнул:

– Ну что ж, слушай...

После этого вступления мой учитель снова потопал по дороге. Я последовал за ним, ожидая обещанного рассказа, однако, он молчал, о чем-то раздумывая. И только когда я уже решил, что старик забыл о своем обещании, он вдруг заговорил неспешно и слегка нараспев:

– Сначала не было ничего, кроме Великого и Бесконечного Хаоса.

«Ого, – подумал я, – Однако он издалека начинается!»

– Великий и Бесконечный Хаос бурлил и перетекал сам в себя, от Великого и Бесконечного Хаоса отделялись брызги и маленькие частички – одна из этих частичек, этих брызг и стала нашим Миром!

Старик, не сбавляя шага, вдруг бросил на меня быстрый взгляд и, убедившись, что я внимательно слушаю, продолжил:

– Частичка Великого и Бесконечного Хаоса, ставшая нашим Миром, так же бурлила и перетекала сама в себя, пока не разделилась на пять и не родила изначальный порядок. Изначальный порядок пяти стихий есть Дерево, Огонь, Земля, Металл, Вода, и в нем Вода рождает Дерево, Дерево – Огонь, Огонь – Землю, Земля – Металл, Металл – Воду. В противоположном цикле «взаимного вытеснения» Вода покоряет Огонь, Огонь покоряет Металл, Металл – Дерево, Дерево – Землю, Земля – Воду.

Эти пять стихий создали Мир таким, каким мы его видим, родили пять цветов и человека, состоящего из пяти внутренних органов, пяти внешних органов, пяти видов плоти и пяти чувств.

Потом в Мир пришел Желтый Владыка и выбрал местность лучшую из лучших и сказал: – Здесь будет жить мой народ, а все прочие будут подчиняться моему народу!

Так родилась Поднебесная! И все прочие живущие в Мире подчиняются избранному народу Желтого Владыки, а народ Желтого Владыки в назначенный им день приносит своему повелителю положенную Дань.

Тут старик быстро огляделся и закончил свое повествование быстрой скороговоркой:

– О борьбе Желтого Владыки с его врагами, о прародителях людей и... обо всем прочем я расскажу тебе в другой раз. А сейчас, как ты видишь, мы подходим к Цуду, и тебе придется подождать меня... ну, хотя бы вон под тем кустиком.

Он указал мне на большой пыльный куст бузины, росший чуть в стороне от дороги, и строго добавил:

– И не вздумай следовать за мной, если ты войдешь в селение в таком виде тебя не спасет все твое колдовство!..

Он снова противно захихикал и потопал дальше, а я сошел с дороги и, обойдя куст, опустился на довольно чистую травку, бросив мешок учителя рядом с собой.

Солнце перевалило за полдень, так что тень от куста, хоть и весьма короткая, давала мне возможность укрыться от жгучих солнечных лучей. В небе не было ни облачка, а вокруг стояла удивительная тишина, хотя мой учитель и утверждал, что совсем рядом располагается некое человеческое поселение.

Я задумался о той короткой лекции, которую прочитал мне мой наставник, и нашел, что никакой полезной информации не получил. А полезной информацией для меня были бы сейчас сведения о местонахождении местных великих магов, поскольку я уже ничуть не сомневался, что именно один из них является похитителем драгоценностей из Алмазного фонда моей, и без того нищей, Родины.

Воспоминания об этом безобразном ограблении беззащитной против магии выставки настолько расстроили меня, что я едва не пропустил события, которое стало одним из важнейших в этом моем приключении.

Итак, я расслабился под своим кустиком и размышлял о дальнейших своих действиях, когда окутывавшего меня магического кокона кто-то едва заметно коснулся. Это касание мгновенно передалось мне и, естественно, сразу меня насторожило. Однако я не двинулся с места, я даже не пошевелился... Я насторожился и, прикрыв глаза, прислушался, или точнее сказать... причувствовался к окружающему пространству. И сразу же понял, что совсем недалеко кто-то притаился. Я начал тихонечко посапывать и расслабленно спустил правую руку на землю, продолжая пристально наблюдать за окружающей обстановкой.

Несколько минут ничего не происходило, а затем справа от меня что-то едва слышно шевельнулось, и мимо моей ладони к лежащему рядом мешку протянулась маленькая шестипалая ручка, покрытая густым, коротким коричневым волосом. Вот она дотронулась до сморщенного бока мешка, вот крохотные пальчики сомкнулись в кулак, зажав край грубой коричневой материи, вот рука медленно стала убираться назад, подволакивая мешок за собой... и в этот момент я быстрым броском накрыл ладонью тонкое мохнатое запястье!

Меня немедленно и довольно болезненно ткнули в правый бок, и позади меня раздался визгливый вопль:

– Ах ты, гад вонючий!.. А ну немедленно отпусти мою ручку, а то как шас... укушу!..

Я сразу же понял, что сие наглое и громогласное требование было рассчитано на то, чтобы меня обескуражить, напугать и заставить разжать пальцы, однако, голосок был настолько тонок и визглив, что я чуть было не расхохотался в ответ. Вместо того чтобы отпустить дергавшееся в моей руке, словно пойманная змея, запястье, я еще крепче сжал кулак и, быстро вскочив на ноги, вытянул руку вперед. Теперь я мог хорошенько разглядеть, что это за отважный воришка покушался на добро моего учителя.

Передо мной, повиснув на одной руке и слегка покачиваясь, висело существо, напоминавшее человека только наличием туловища, рук, ног и головы. В целом же...

Во-первых, ростом оно было не более метра, и весь этот метр был покрыт тем же самым волосом, что и попавшаяся мне рука. Во-вторых, оно было невероятно худым, ножки у него были чрезвычайно короткие, а ручки, наоборот, необыкновенно длинные. Оно было бы очень похоже на обезьяну, если бы не чрезвычайно прямая, я бы даже сказал, гордая осанка, бросающаяся в глаза, несмотря на очень неудобную позу, в котором это существо находилось. Его косматая голова была сплюснена с висков, так что лоб сильно выпирал вперед, глаза казались посаженными очень близко, а нос крючком нависал над тонкогубым ртом. Из одежды на этом... На этом Маленьком Муке была одна сильно замызганная набедренная повязка.

Пока я с любопытством рассматривал своего пленника, он с не меньшим любопытством и с гораздо большим презрением рассматривал меня. Ему мой вид наскучил раньше, а потому он, продолжая висеть на одной руке, зажатой в моем кулаке, нагло поинтересовался:

– Ну, чувырла длинноногая, и долго ты будешь меня разглядывать?! Или никогда Тяньгоу не видел?!

– Ты, значит, Тяньгоу? – с усмешкой переспросил я, не выпуская его запястья, – И чем же ты занимаешься?..

– Ну ты и вопросы задаешь?! – изумился мой пленник, – Откуда же ты взялся, если о Тяньгоу ничего не слышал?!

– Слышал, не слышал, не в этом дело, – я чуть тряхнул рукой, так что зубы этого маленького нахала явственно лязгнули, – Я тебя спросил, чем ты занимаешься, так что изволь мне ответить!.. Иначе!..

И я еще раз многозначительно его встряхнул.

– Ну ты, дылда, – немедленно завопил малыш, – Что ты меня трясешь, я тебе не кошелек, из меня монетки-камешки не посыплются?! Ручку мне оторвешь, назад ведь не приста-вишь!..

– Ничего, лапки, как я понимаю, у тебя крепкие, раз ты их суешь, куда не надо, – снова усмехнулся я, – А вот если ты не начнешь вести себя, как полагается пленнику, я их тебе действительно поотрываю, а затем снова приставлю, только ладошками назад!.. Посмотрим, как ты тогда чужие вещи из-под носа у мага таскать будешь?!

Малец оглядел меня заинтересованным взглядом и нагло пропищал:

– Напрасно ты со мной связался!.. Хотя ты и маг, как ты сам себя назвал, а всей твоей магии не хватит, чтобы со мной управиться!..

И тут вдруг вся его волосатость встала дыбом, по обеим сторонам сплюсненной головы развернулись огромные, почти прозрачные, поросшие редкой шерстью остроконечные уши, глаза выкатились из орбит, засверкав голубоватыми белками, от чего лоб пошел многочисленными складочками, тонкие губы вывернулись, чуть ли не наизнанку, показав миру не меньше полусотни острейших, хотя и очень мелких зубов, и он завыл тоскливым фальцетом:

– Я доберусь до твоего горла, и вырву твой кадык, и напьюсь твоей теплой крови, чувырла, поднявший руку на любимца Желтого Владыки, приласкавшего меня еще в колыбели... Я сожгу твою обескровленную плоть и проглочу оставшийся пепел, чтобы ты не смог снова воплотиться в живое существо... Я соберу твои ногти и волосы и зашвырну их на самую далекую тучу Великого Неба, так что оставшегося от тебя не хватит даже на то, чтобы получилась мясная собака! Я – страшный демон Тяньгоу, вышедший на свою кровавую охоту, клянусь в этом своей правой рукой!!!

Признаюсь, что эти вопли, возможно, были бы очень страшными, если бы не были такими смешными, тем более что как раз его правая рука была зажата в моем кулаке. Чтобы не расхохотаться в очередной раз, я снова встряхнул своего пленника и, давя в себе смех, проговорил:

– Ну, страшный демон Тяньгоу, на какую охоту ты вышел, я уже знаю, – видел, можно сказать своими глазами... И то, что тебя «приласкал» Желтый Владыка, я тоже мог догадаться... по твоему внешнему виду... Правда, по-моему, он тебя не приласкал, а слегка потискал... А вот насчет моего горла, которое ты собираешься порвать, так, мне кажется, ты торопишься с обещаниями – зубки у тебя коротки, до моего кадыка добраться!.. – Я еще раз тряхнул зажатую в кулаке лапку, так что маленький монстр звонко ойкнул и принял свой нормальный вид, – Так что давай, отвечай на мои вопросы, или я начинаю отрывать твои шаловливые конечности!.. Ну!!

И тут маленький негодяй круто сменил манеру общения. Его глазенки закрылись, уши сложились и спрятались, углы губ плаксиво опустились, а из-под закрытого века выкатилась крупная прозрачная слеза, мгновенно исчезнувшая на волосатой щеке. Он жалобно всхлипнул и заголосил:

– Вот, посмотрите все на этого верзилу!.. Схватил ни в чем не повинного малыша и мучает... Изверг... Садист... Тебе только в пытошных застенках работать!.. Справился с маленьким, да?! Ну, отрывай мне ручки, отрывай мне ножки, пусть моя невинная кровь падет на твою преступную голову!.. Но знай, я буду сниться тебе каждую ночь растерзанный и прекрасный, и каждый клочок моего поруганного тела будет взывать о мщении!..

И он... зарыдал!

В общем-то, мне было ясно, что маленький негодяй снова пытается меня одурачить, и в тоже время мне стало его жалко. Однако отпускать его в мои намерения не входило, а потому я выпустил из обволакивающего меня магического кокона короткий жгут, превратил его в тоненькую нить и намертво прикрепил ее к мохнатой тонкой лодыжке. Потом, состроим сочувственную мину, я поинтересовался:

– Ну а если я тебя отпущу, ты не сбежишь?..

Рыдания мгновенно прекратились, и приоткрывшийся глаз уперся мне в лицо изучающим взглядом. После нескольких секунд раздумья мой пленник коротко ответил:

– Сбегу!..

– Ну вот, – огорчился я, – А я хотел с тобой поговорить по душам...

– О чем?..

– Об этом мире. Я здесь появился совсем недавно и никак не могу разобраться, что тут к чему...

– Во, дает!.. – восхитился мохнатый Тяньгоу, – Появился только что, разобраться, что к чему не успел, а мешочек чужой уже притырил!.. Представляю, что ты будешь вытворять, когда во всем разберешься!

Он бросил на меня еще один изучающий взгляд и спросил:

– Или ты будешь утверждать, что это твой мешок?

– Нет, не буду, – согласился я, – Это мешок моего учителя. Он ушел в деревню, а меня оставил дожидаться здесь... Ну, так может быть, мы все-таки побеседуем?..

Пленник широко открыл глаза и скосил зрачки вниз в притворном раздумье, затем вздохнул и согласился:

– Ну, давай побеседуем... Только ты меня отпусти, а то у меня уже ручка затекла... не до беседы мне в таком-то положении.

Я аккуратно поставил его на землю и разжал кулак. В следующее мгновение он, совершив молниеносный прыжок, был метрах в шести от меня.

Оказавшись, как он считал в недосыгаемости, маленький Тяньгоу принялся приплясывать на месте, корчить умопомрачительные рожи и радостно вопить:

– Что, чувырла лопухастая, ловко я тебя провел?! А то, ишь ты, ручищами размахался, маг недоделанный!! Еще тряс меня, словно я его собственность!! И мешок твой я заберу, в счет компенсации морального ущерба!!

Лежавший около моих ног мешок неожиданно дернулся и начал быстрыми рывками двигаться в его сторону! Я даже не сразу сообразил, что этот мохнатый проходимец просто подтягивает к себе имущество моего учителя за тонкий шнур, который он неизвестно когда успел привязать к горловине мешка.

И тут я разозлился!

Придав своей физиономии самое зверское выражение, я заорал во всю немалую мощь своего голоса:

– Ах ты лохматый засранец, так ты думаешь, что можешь безнаказанно дурачить великого мага?!

В ответ на мою грозную реплику «лохматый засранец» радостно расхохотался, показал мне немалый язык и принялся сноровисто развязывать горловину мешка. Вот только сделать этого ему не удалось, его левая нога неожиданно скользнула по траве, вывернулась из-под своего хозяина и потянулась ко мне, волоча за собой все его худенькое, лохматое тельце. Причем двигалось это тельце тем же самым способом, которым минуту назад передвигался мой мешок – короткими резкими рывками. Мешок, впрочем, тоже двигался в мою сторону, поскольку в своей великой алчности Тяньгоу вцепился в него мертвой хваткой.

Только оказавшись у самых моих ног и увидев мою грозную двухметровую фигуру, нависшую над его худеньким тельцем, он отпустил свою добычу и попытался вскочить на ноги. Но не тут-то было! Мой магический жгут еще чуть-чуть сократился, и маленький врунишка снова оказался на спине! Тут он обречено затих и прикрыл свои наглые глазенки.

– Что, опять плакать будешь?! – все тем же зверским тоном проревел я.

Худое тельце вздрогнуло, словно по нему прошлись кнутом, и малыш тихо проскулил, не открывая глаз:

– Не-е-е-т, не буду...

– Ага!.. – злорадно констатировал я, – Слезки, значит, высохли?!

Тут он приоткрыл один глаз и тем же, едва слышным голосом поинтересовался:

– Ты меня прям сейчас есть будешь?!

– Есть?! – не понял я.

– Ну конечно, – со вздохом подтвердил он, – Все великие волшебники Поднебесной, поймав такого обманщика, как я, съедают его...

– Ну вот еще! – возмутился я, – Стану я совать в рот всякую косматую дрянь!

Его глазенки широко распахнулись, и дрожащий от неожиданной радости голосок спросил:

– Значит, ты берешь меня в ученики?!

– С какой это радости?! – удивился я.

– Но, – он явно растерялся, – Если ты меня не будешь есть, значит, ты берешь меня в ученики... А если не берешь, то... значит... э-э-э... наоборот...

Последние слова он явно тщательно подбирал, чтобы не натолкнуть меня на явно нежелательную для него мысль.

Я поскреб в затылке:

– То есть, ты хочешь сказать, что, изловив наглую шпану, я должен либо ее схарчить, либо взять в ученичество?..

– Конечно!.. – подтвердил Тяньгоу самым убедительным тоном.

– И другого выхода нет?!

– Но это же общепринятое правило! – возмутился малыш.

Конечно, было вполне вероятно, что он опять врал, но полной уверенности в этом у меня не было. А нарушать местные обычаи мне не хотелось.

– Допустим, я возьму тебя в ученики... Потому что если я начну тебя есть, меня непременно вырвет... Но ведь ты, став учеником, через пару секунд снова сбежишь?!

Он вдруг сел у моих ног на траву и, подняв на меня широко открытые глаза, удивился:

– Как же я смогу убежать от моего учителя?.. Да если ты пожалуешься Желтому Владыке, меня через пять минут вернут тебе... набитого соломой!..

Целую минуту я изумленно созерцал это несуразное создание, а потом осмелился озвучить свою невероятную догадку:

– Ты хочешь сказать, что сбежавшего от учителя ученика возвращают в виде чучела?!

Он пожал худенькими плечиками и утвердительно кивнул:

– Именно... Это же общепринятое правило!..

Я присел рядом со своим... просветителем и растерянно пробормотал:

– Да... Сколь много интересного и необычного ты мне поведал!..

Мой пленник чуть помолчал, а затем осторожно поинтересовался:

– Ну так что ты решил... со мной... делать?..

Я насмешливо посмотрел на его встревоженную рожицу:

– А что я могу делать?.. Ну не давиться же тобой, в самом деле... Придется взять тебя в ученики...

Он облегченно и очень шумно вздохнул и быстро поднялся на ноги. Затем, выпрямившись чуть ли не по стойке смирно, мохнатый проныра торжественно произнес:

– Я прошу великого волшебника... Как тебя звать-то?!

– Э-э-э... – растерянно протянул я, пытаясь вспомнить кликуху, которую прицепил мне мой учитель, – ... Сор Кин-ир...

– Я прошу великого волшебника Сор Кин-ира взять меня, Поганца Сю, к себе в ученики, с тем, чтобы я, Поганец Сю, обучился ремеслу волшебника! – бодро закончил лохматый самозванец.

Я почти автоматически кивнул, а потом спохватился:

– Ну да, ну да... Я тебя беру в ученики, только ты объясни, как же тебя, все-таки, зовут... Если мне не изменяет память, сначала ты назвался... Тяньгоу?..

Он смущенно опустил голову и поковырял большим пальцем правой ноги землю:

– Я просто хотел тебя напугать... Ну... вижу здоровая деревенщина глазищами хлопает, дай думаю, назовусь пострашнее, глядишь, кулак-то и разожмет!..

– Ага... А на самом деле, значит, тебя... величают Поганец Сю?..

Поганец застенчиво потупился.

– Ну что ж... ученичок... начнем обучение. Сейчас я тебя отпущу, смотри, как это делают настоящие волшебники...

Легким, едва заметным движением пальцев я снял магический жгут с его ноги, а Поганец широко раскрытыми глазами смотрел на меня, ожидая чуда. В этом ожидании прошла целая минута, наконец, он коротко вздохнул и шепотом спросил:

– Ну... Когда?..

– Что «когда»? – притворился я.

– Когда ты меня отпустишь? – пояснил он, и в его глазах мелькнул испуг.

– Так я давно тебя отпустил! – удивился я, – Ты что же, ничего не почувствовал?!

Поганец недоуменно опустил взгляд на свои ноги, а потом нерешительно сделал шаг в сторону. Почувствовав, что его ничто не удерживает, он вместо того, чтобы задать стрекача, неожиданно уселся на траву и разочарованно произнес:

– А я ничего не увидел!..

– Потому что ты был невнимателен... – укорил я его, – Следующий раз смотри, не отрываясь и не хлопая глазами. А сейчас расскажи мне, кто такой Тяньгоу, и почему я должен был его испугаться?

Поганец огорченно потер свой мохнатый затылок и с явной неохотой проговорил:

– Чего тут рассказывать? Тяньгоу – это такой страшный демон... он за детьми охотится...

– Что? И все?! – удивился я, – Но ведь я уже далеко не ребенок, неужели ты хотел меня напугать таким демоном?!

– Ну, – чуть смутившись, добавил Поганец, – Он еще насылает кометы и солнечные затмения!

– Да, – улыбнулся я, – Страшен этот Тяньгоу! И как это я сознание от страха не потерял!

– Кто это тебя так напугал?! – неожиданно раздался за моей спиной звучный голос моего учителя.

Я повернулся и увидел, что Фун Ку-цзы подходит ко мне с каким-то свертком в руках.

– Да вот тут один шутник Тяньгоу назвался! – улыбнулся я старику, но тот, вместо того, чтобы посмеяться вместе со мной, вдруг побледнел и принялся плевать во все стороны.

Покуда я с недоумением следил за странным поведением своего немолодого учителя, мой ученик подобрался поближе, украдкой выглянул из-за куста и удовлетворенно хихикнул:

– Во! Видишь, что делает с людьми одно имя Тяньгоу?! Это только такие деревень... – тут он секся и быстро поправился, – Такие великие волшебники, как ты, Тяньгоу не боятся!

В этот момент его маленькая мохнатая фигурка попала на глаза моему дородному учителю. Плеваться тот немедленно перестал. Он вообще перестал что-либо делать, поскольку просто остолбенел, выпучив глаза.

– Похоже, твой вид напугал его больше, чем имя Тяньгоу... – удовлетворенно пробормотал я, кося глазом на своего ученичка.

– Ага, напугал, как же... – ответил тот тоскливым фальцетом, – Просто я ему очень не понравился!..

И тут знаменитый Фун Ку-цзы начал говорить. Правда, чтобы говорить членораздельно, ему пришлось слегка разогнаться... или разогреться:

– Это... что!.. Это... кто!.. Это... откуда!.. Что здесь делает этот маленький негодяй?! Неужели, Сор Кин-ир, тебя нельзя ни на минуту оставить одного, чтобы ты тут же не свел сомнительное знакомство! Разве мало в Поднебесной места, чтобы Поганец Сю, оказался именно под тем самым кустом, где я оставил своего ученика?!!

И старик немедленно воздел руки к небу, но я заметил, что при этом его правый глаз, не отрываясь следил за... моим учеником, который неожиданно буркнул себе под нос:

– Хм... Как это старик меня узнал?..

Поскольку, при обращении к Высокому Небу, Фун Ку-цзы на секунду замолчал, я не преминул высказать свое мнение по поводу его воплей:

– Учитель, чем тебе так не понравился мой ученик?.. Я нахожу его в меру воспитанным и в тоже время чрезвычайно развитым существом!

У старичка отвалилась нижняя челюсть, и выпучились глаза. В таком непотребном виде он простоял не менее минуты, пока не смог выдать из себя вопрос:

– Твой... кто?!

– Ученик! – повторил я и гордо указал на слегка засмущавшегося Поганца.

– Поганец Сю – твой ученик?! – все еще не верил мой учитель.

– Именно так! – со всей твердостью постарался я развеять его сомнения.

– Он что, официально попросился в ученичество и ты его принял?!

– Ну не есть же мне его было?! – пожал я плечами.

Фун Ку-цзы долгим, оценивающим взглядом оглядел лохматого малыша и неожиданно выдохнул:

– Лучше бы ты его съел!..

От неожиданности я потер щеку и чуть растерянно переспросил:

– Ты так думаешь?..

Мой старый учитель только кивнул. Потом, протянув мне свой сверток, он проговорил, продолжая задумчиво разглядывать молчавшего Поганца:

– Вот твои одежды... Переодевайся, и пойдём в Цуду... Я узнал, что правитель провинции Гуанчу, господин Тянь Ши уже переехал в свою летнюю резиденцию, и мне удалось договориться о том, что нас примут в его покоях!..

Я энергично кивнул и развернул сверток. В нем оказался темно-коричневый халат, очень похожий на халат моего наставника, только, пожалуй, порванее. Как следует его рассмотрев, я вдруг сообразил, что вполне могу надеть его прямо поверх своего костюма... Вот только джинсы будут торчать из-под слишком коротких пол, но это можно было поправить, закатав штанины.

Приняв такое решение, я быстро осуществил его и через минуту предстал перед критическим взглядом учителя. Тот, обозрев мою «похорошевшую» фигуру и торчавшие из-под халатика голые ноги в «дутых» кроссовках рязанской обувной фабрики, довольно кивнул:

– Настоящий ученик... И обувь подходящая, подстать твоей физиономии... Вот только... – тут он снова неодобрительно покосился на необычайно молчаливого Сю, – Твой ученик не должен показываться в Цуду... Слишком у него личность... запоминающаяся, к тому же там, как я уже сказал, разместился двор правителя и, значит, охрана усилена!

Тут Поганец тоскливо вздохнул и неожиданно согласился со стариком:

– Да, уж... С охраной правителя лучше не связываться!.. Особенно с этими его... гвардейцами!..

И он вдруг принял довольно странную позу, словно держал «на караул» здоровенную алебарду, а его и без того не слишком симпатичная мордашка приняла выражение, которое во времена моего детства называли «кирпича просит».

– Вот-вот!.. – неожиданно одобрил это... страхолюдство мой учитель, а затем, кивком указав мне на свой мешок, молча повернулся и направился к дороге. Я подхватил мешок, кивнул своему ученику и двинулся вслед за учителем. Поганец Сю как-то слишком уж тоскливо вздохнул и пошаркал за мной.

Выйдя на дорогу, мы пошли почти рядом – я сбоку и чуть сзади от своего учителя, а Поганец сбоку и чуть сзади от меня. Несколько минут Кун Фу-цзы хранил молчание, словно о чем-то раздумывая, а потом поинтересовался:

– Ну и чему же ты, неуч, собираешься учить этого... прощельгу?!

– Магии... – скромно отозвался я.

Старик бросил на меня косой взгляд, потом, обернувшись, посмотрел на Поганца и пробормотал себе под нос:

– Только знания магии ему не хватает... Вот тогда он развернется!..

Сю на эту довольно язвительную реплику ничего не ответил, только обиженно засопел... Артист!

Еще с минуту помолчав, Фун Ку-цзы неожиданно поинтересовался:

– А как ты его собираешься кормить?.. Ведь я его кормить не буду!..

– А что, я его и кормить должен? – удивился я.

– Конечно! – кивнул старик, – Учитель обязан кормить ученика! А ведь ты сам ничего не имеешь и... не умеешь! Так как ты будешь кормить ученика?!

– Еще посмотрим – кто кого кормить будет!.. – неожиданно пискнул Поганец.

Мой наставник резко остановился и всем телом повернулся к замершему на месте Сю. Однако обратился Фун Ку-цзы ко мне:

– Предупреди своего... э-э-э... ученика... что если он только посмеет воровать или другим способом нарушать закон, я немедленно передам его в руки стражи!! – и он снова, с самым суровым видом двинулся по дороге.

– Ага! – немедленно буркнул Поганец, одновременно перемещаясь за мою спину, – Руки короткие...

– У кого?! – немедленно вспыхнул старик.

– У-у-у... – явно выбирая самого «короткокурокого» протянул маленький поганец, и неожиданно закончил, – ... стражи!

Фун Ку-цзы с таким нехорошим выражением лица сверлил взглядом малыша, что я вынужден был вмешаться.

– Послушай, наставник, – самым миролюбивым тоном обратился я к старику, – Объясни мне, почему ты так сразу невзлюбил моего маленького и такого безо... бидного... э-э-э... ученика? Ну посмотри на него, какой неприятности можно ожидать от такого малыша?!

– От такого... «малыша» можно ожидать любой неприятности! Ты еще не знаешь, с кем связался, он самый известный, самый нахальный и дерзкий вор во всей Поднебесной! Да к тому же еще и обманщик, каких мало!..

– Ну... – немного неуверенно возразил я, – Я надеюсь его... перевоспитать...

– Что?! – не понял Фун Ку-цзы, – Перевоспитать?! Смотри, как бы он сам тебя не перевоспитал...

Тут мой наставник бросил внимательный взгляд вперед и резко сменил тему разговора:

– Вон крыши Цуду показались, пора твоему ученику... покинуть нас...

Я обернулся, чтобы дать соответствующее указание Поганцу Сю и договориться, где мы должны будем встретиться, но того рядом с нами уже не было. Недоуменно оглядевшись, я снова повернулся к своему наставнику и наткнулся на взгляд его узких, умных глаз, говоривших, казалось:

«Ну что, понял, что за фрукт твой ученик?!»

Действительно, на совершенно плоской, лишенной растительности равнине, по которой мы продвигались, спрятаться было совершенно негде, и, тем не менее, Поганца не было видно! Ну не мог же он притаиться в том подобии травки, высотой в пару сантиметров, плотный ковер которой начинался от самой обочины дороги и тянулся, казалось, до горизонта.

Я уже собирался прощупать окружающее пространство своим магическим зрением, но, чуть подумав, отказался от этой затеи – мне почему-то верилось, что Поганец Сю теперь так просто от меня не сбежит.

Фун Ку-цзы, несколько не расстроенный исчезновением маленького Сю, принялся меня наставлять:

– Нам повезло, в Цуду сейчас находится сам правитель уезда, господин Тянь Шу. У него здесь летняя резиденция, и правитель прибыл сюда неделю назад вместе со своим двором и, что самое главное, со своими женами! Я очень надеюсь на благожелательное отношение его старшей жены, луноликой Имань Фу...

– А зачем тебе благожелательное отношение этой самой... луно... ликой?.. – просто душно поинтересовался я.

Учитель с явным превосходством взглянул на меня и изрек:

– Основа государственного управления – это обычаи народа. Обычаи народа определяют жизнь в семье. Семейная же жизнь зависит от поведения женщин!..

И тут я решил тоже блеснуть... ученостью. Припомнив прочитанную не так давно книжонку, я с умным видом возразил учителю:

– Твоя мысль глубока, но там, откуда я явился, один очень умный человек сказал: «В доме труднее всего иметь дело с женщинами и слугами. Если их приблизить, они становятся дерзкими, а если отдалить – озлобляются...»

Фун Ку-цзы остановился и, повернувшись ко мне всем телом, внимательно уставился мне в лицо. Затем, видимо, не удовлетворившись осмотром, строго спросил:

– Ты это не сам придумал?!

– Нет, конечно, – чуть растерялся я, – Мне бы и в голову не могло такого прийти – слуг у меня в доме никогда не было!..

Удовлетворившись моим объяснением, старик снова двинулся в путь, но на этот раз молча – то ли он исчерпал свои наставления, то ли у него пропала на время охота меня наставлять.

А крыши селения были все ближе и ближе. Поскольку сей населенный пункт располагался в небольшой низинке, образованной руслом неширокой, чистой речки, кроме крыш мы довольно долго ничего не видели. Только оказавшись совсем рядом, на небольшом пригорке, довольно круто сбегавшем к берегу речки, мы смогли рассмотреть все селение.

Было оно довольно обширным и весьма, на мой взгляд, странным. Небольшие, одноэтажные дома, построенные из дерева и глины и покрытые тростником, лепились один к одному, образуя три сплошных, концентрических круга. Внешняя стена домов большого круга не имела окон, так что вполне могла служить своеобразной крепостной стеной. В середине селения, внутри самого маленького круга построек, по берегам протекавшей речки, был разбит довольно большой то ли сад, то ли парк.

Сверху мне было видно, что между домами снуют люди, над некоторыми крышами вился дым, были слышны звуки ударов металлом о металл, крики животных и детей.

Увидев это своеобразное поселение, я подумал было: «И как же они попадают внутрь своей деревни?..» – но почти сразу же разглядел большие ворота. Именно к ним вела та самая дорога, по которой мы шагали.

Всего несколько минут понадобилось нам, чтобы добраться до ворот деревни. Тяжелые створки, выполненные из довольно толстых брусьев, были распахнуты, и по обе стороны от них стояли толстые мужички, одетые в черные до колен халаты, странного, неопре-

деленного цвета кожаные туфли и с железными колпаками на головах, причем колпаки эти имели маленькие козырьки спереди и сзади. В руках у этих ребят были... самые настоящие «волчьи метлы», а у пояса короткие дубинки.

«Вот это да!.. Это, видимо, и есть пресловутая стража, которой Фун Ку-цзы собирался отдать Поганца!..» – подумал я.

Мой учитель, между тем, с самым достойным видом приблизился к стражникам и веско произнес:

– Благородные воины, я, Фун Ку-цзы, известный в Поднебесной своей ученостью и мой ученик Сор Кин-ир, направляемся к правителю Тянь Ши. Он обещал мне кров и пищу...

– Проходи... – небрежно бросил стражник, стоявший справа, и нехорошим взглядом покосился на мои ноги.

Старик неторопливо двинулся вперед, а я за ним, стараясь не слишком отставать от него.

Войдя в ворота, мы оказались под прямоугольной деревянной аркой, заканчивавшейся метрах в пяти еще одними массивными воротами, у которых так же стояло двое стражников. Однако этим воинам мой наставник ничего не сообщил, он молча и все так же неторопливо миновал последний оплот обороны Цуду и свернул влево, вдоль фасада домов.

Дома внешнего круга имели с этой стороны довольно большие окна, правда, занавешенные изнутри плотными шторами, а вот с противоположной стороны улицы опять-таки тянулась глухая глиняная стена. Между домами внешнего и внутреннего круга, была проложена не мощеная дорога, шириной метра четыре. У единственных, как я понял, ворот дорога эта была совершенно безлюдна, зато уже метров через двадцать стали появляться местные жители, в основном детского возраста и местные животные самого разнообразного вида.

Одним из первых, кого я увидел, был довольно пожилой мужчина, пристроившийся на пороге своего дома перед маленьким столиком, поставленным на собственные колени. Не обращая внимания на окружающее, этот абориген что-то тщательно вырисовывал на узком и длинном куске плотной желтоватой бумаги. Я, не замедляя шага, взглянул на это художество и увидел незаконченный ряд элегантно выведенных иероглифов.

«Вещи бывают либо круглые, либо квадратные, а числа – четные и нечетные...» – прочитал я и тут же услышал голос своего учителя:

– Ты мой ученик, а не этого деревенского... философа... Изволь не засорять свое сознание и разум мудростью от сохи!..

Говорил он, не поворачивая головы, и гордо шествуя по деревенской улице мимо резвящихся в грязи ребяташек, собак и свиней.

По этой улочке мы прошли половину круга и оказались перед еще одной аркой, ведущей на внутреннюю улицу. Эта улица была значительно шире первой, вымощена булыжником и гораздо чище. Фасады домов, выходящих на нее с двух сторон, блистали большими чистыми окнами, за которыми были разложены ткани, украшения, посуда, одежда самого достойного вида... Не то, что мой халатик!.. В некоторых окнах, прикрытых шелковыми занавесями, были выставлены каллиграфически выписанные на уже виденной мной, желтоватой бумаге изречения назидательного содержания типа: «Если дело продумать тщательно, непременно добьешься успеха» или «Разве бросит свой плуг земледелец, уходя с поля!»

Не согласиться с ними было невозможно, но я был удивлен этим своеобразным обычаем.

И вообще, я, похоже, своим видом весьма напоминал деревенщину, впервые попавшего на звонкую городскую улицу. Это впечатление тем более усиливалось, что мой учитель шествовал по этой роскошной улице с огромным достоинством, словно не только не интересовался выставленными ею чудесами, а своим присутствием оказывал ей огромную честь!

Наконец мы добрались до еще одной арки и через нее вышли на большую круглую площадь, замощенную брусчаткой. Прямо напротив возвышалось двухэтажное здание, причем первый его этаж был раза в два шире второго, и потому здание накрывала изящно изогнутая двухъярусная крыша. Столбы, поддерживавшие каркас строения были выкрашены в ярко-красный цвет, что делало здание необычайно праздничным и торжественным, да, вдобавок, по зеленым стенам бежали золотые иероглифы изречений, касающихся государства и общества.

Фун Ку-цзы остановился на площади и, кивком указав на здание, произнес:

– Вот здесь расположен вход в летнюю резиденцию правителя уезда, высокочтимого Тянь Ши. Сейчас мы пройдем к нему, ты держись позади меня и молчи... В крайнем случае, можешь поклониться или кивнуть, а вообще, просто повторяй мои движения... Я надеюсь, к тебе правитель не обратится...

– А если обратиться?.. – очень натурально встревожился я.

Фун Ку-цзы снова внимательно взглянул на меня и сурово проговорил:

– Постарайся быть кратким!..

И он направился прямо к двум, застывшим у лаково отсвечивающих дверей, фигурам, разодетых в багряные, расшитые золотом халаты и державшим в руках да-дао, или «большие мечи». Это странного вида оружие представляло из себя полуметровые черные древки, на которые были насажены широченные, чуть изогнутые лезвия с утолщенными концами длиной в метр. Вообще-то, эти да-дао очень напоминали... весла для каноэ, только вот ребра у этих «весел» поблескивали весьма грозно. Я представил себе, с каким «изяществом» могут орудовать таким оружием наряженные в халаты ребята, и невольно улыбнулся. А затем поспешил за своим учителем – тот был уже почти у самых дверей.

Наше приближение совершенно не заинтересовало двух стражников-близнецов, они оставались все такими же неподвижными и безмолвными, чем живо напомнили мне часовых с поста номер один в бывшем Советском Союзе. Правда, рожи у этих, завернутых в багряный шелк, ребят были не в пример свирепее, а глаза, упертые в пространство перед собственным носом, гораздо стекляннее. Мой наставник, остановившись шагах в четырех от стражи, поклонился дверям и неожиданно елевым голосом пропел:

– Господа гвардейцы, сообщите советнику Шу Фу, что учитель Фун Ку-цзы смиренно ожидает его у ворот.

Ни один мускул не дрогнул на лицах «господ гвардейцев», однако правый глаз у меченосца, стоявшего слева, вдруг поехал в сторону и уперся в нас. Глаз этот по-прежнему оставался совершенно бессмысленным и стеклянно поблескивающим, и тем не менее я понял, что нас видят.

Это странное, молчаливое и довольно жутковатое разглядывание длилось около минуты, после чего гвардейский глаз вернулся на место. Затем позади гвардейца распахнулась крохотная, неприметная дверка, и в нее просунулась круглая ушастая голова, увенчанная вместо шляпы согнутым под острым углом куском жесткой кожи, который удерживался с помощью пришитой к нему широкой голубой ленты, видимо, завязанной под подбородком этой самой головы. Голова улыбнулась, так что и без того немаленькие щеки стали похожи на волейбольные мячи, и затараторила:

– Ну что же вы, учитель, куда ж вы запропастились?! Проходите, проходите скорее!!! Все с нетерпением ожидают вашего прибытия!!! – а затем она, не переставая улыбаться, вдруг гаркнула, – Открыть парадные двери!!!

И в то же мгновение лаковые двери меж двух свирепых гвардейцев торжественно распахнулись.

Мой наставник, не поворачивая головы и странно скосив в мою сторону губы, внушительно шепнул:

– Сам советник Шу Фу!!!

Затем он, приосанившись, шагнул вперед, дважды шаркнул своими сандалиями, словно стирая с них дорожную грязь, и перешагнул порог. Я постарался в точности воспроизвести все его действия и даже придать своему телу такую же осанку. Не знаю, насколько точно мне это удалось, но перебраться через порог я смог без проблем.

Едва мы оказались в передней зале дворца, как двери с поразительной поспешностью захлопнулись, едва не прищемив мой и без того достаточно драный халат. Немедленно вслед за этим в левой стене небольшой залы открылась дверь, и навстречу нам выскочил небольшой толстячок с уже знакомой кожаной береткой оригинального покроя на голове. Поскольку длинный темно-синий халат полностью скрывал его коротенькие ножки, создавалось впечатление, что он не идет, а стремительно перекатывается. Взмахивая коротенькими ручками, и по-прежнему лучезарно улыбаясь, советник Шу Фу продолжил свой монолог:

– Прошу вас, учитель, проследовать за мной!!! Правитель примет вас немедленно, а госпожа... тетушка... ожидает вас к ужину!!!

Не прекращая своего катящегося движения, он внезапно развернулся и устремился к противоположной стене слабо освещенной залы, в середине которой виднелась арка, открывавшая целую анфиладу комнат.

Мы с Фун Ку-цзы поспешили за ним, именно поспешили, поскольку при своем небольшом росте и длиннополом халате передвигался Шу Фу удивительно быстро. При этом он продолжал тараторить:

– Правитель очень доволен, что вы появились в его дворце именно сегодня. У него появилось несколько вопросов... э-э-э... философского толка, – тут советник сам себя перебил, – Да будет вам известно, что правитель пишет книгу! Философскую книгу!! Так вот, он надеется, что ваша мудрость позволит осветить с позиций современной науки несколько вопросов философского толка... конечно в рамках учения Желтого Владыки!!!

В этот момент мы как раз проходили под аркой, и советник, внезапно остановившись и резко повернувшись, неожиданно сурово посмотрел на моего наставника:

– А вы знаете, учитель, что ваша яшма со щербинкой?!

– Но согласитесь, советник, что это весьма пикантная щербинка!.. – льстиво улыбнулся старик и склонил свою голую голову.

– Но все же, со щербинкой!.. – упрямо повторил советник противным голосом, а затем, снова покотившись вперед, опять резко сменил тон, – Госпожа, тоже очень рассчитывает на вашу помощь, правда в деле совершенно иного свойства! Вы знаете, младшая дочь четвертой наложницы правителя, помешалась!!!

Несмотря на визгливые вопли советника, я вполне отчетливо расслышал облегченный вздох своего наставника и понял, что вздох этот относится к «пикантной щербинке» на какой-то яшме. Услышав же последнее сообщение советника, Фун Ку-цзы весьма огорченным тоном воскликнул:

– Как, неужели несравненная Шан Те потеряла рассудок?!

– Рассудок, совесть, честь, уважение к старшим и все остальное! Все!!! – немедленно подтвердил Шу Фу.

– И в чем же выражается ее... э-э-э... помешательство?

– Она утверждает, что влюблена и собирается выйти замуж!!!

Последняя фраза в устах советника прозвучала как вопль раненого животного.

– Но она же, если я не ошибаюсь, с самого рождения была предназначена в жены вам!!! – совсем в тон ему возопил мой наставник, – И она никогда не давала повода усомниться в своем послушании и почтении к будущему мужу!!!

– Да?! – буквально взвизгнул Шу Фу, – А теперь она говорит, что я для нее слишком... э-э-э... не молод и слишком... э-э-э... не строен!!! Она говорит, что госпожа хочет свести ее в могилу, и что я – ее надгробная плита!!!

Советник на бегу метнул быстрый взгляд через плечо, и я буквально физически ощутил, как этот неприязненный взгляд мазнул меня по лицу.

– Тетушка надеется, что вы, учитель, со свойственным вам благоразумием и рассудительностью, а также знанием законов и обычаев, предписанных Желтым Владыкой, сможете объяснить Шан Те всю пагубность ее... как бы это сказать... настроений!!!

«Э-э-э... – подумал я, – Теперь понятно, почему советник не стал акцентировать внимания на „щербинке“...»

– Я сделаю все, что в моих силах!.. – с чувством воскликнул Фун Ку-цзы, а советник, умерив на секунду свой бег и обернувшись, проверещал:

– Да уж... постарайтесь!.. Тетушка очень на вас рассчитывает!!!

В этот момент мы, пройдя уже около десятка невысоких комнат анфилады, оказались в довольно просторном зале, ярко освещенным потолочными светильниками. Зал этот был последним, и его противоположную стену украшали высокие, расписанные черным и красным лаком, двустворчатые двери, возле которых маячила знакомая фигура в багряном халате с остро-элегантным уже виденным мной да-дао в руках.

– А вот и кабинет правителя!.. – проверещал советник, правда, гораздо более тихим голосом, – Я найду первым и узнаю, когда правитель удостоит вас аудиенции...

И он исчез за приоткрывшейся на мгновение дверью, словно бильярдный шар в лузе, а мы получили, наконец, возможность перевести дух и оглядеться.

Зал был не слишком большим, но по сравнению с оставленными позади комнатами казался огромным. Это впечатление создавалось в основном очень высоким потолком и узкими, высокими зеркалами, украшавшими боковые стены. Рамы зеркал, выполненные в форме странного вида птиц – узких, длинноногих и длинношеих, с короткими, словно обрезанными крыльями и живыми, мерцающими теплым блеском глазами – буквально приковали мое внимание своим совершенством. Увидев, с каким вниманием я разглядываю этих странных птиц, мой наставник негромко произнес:

– Не надо слишком пристально пялиться на луаньяо... Они этого не любят и могут покинуть свое место... И тогда тебе отрубят голову...

– Так эти птички что, живые?! – изумился я.

Фун Ку-цзы блеснул глазами и с легкой улыбкой спросил:

– Ты разве можешь определить что живо, а что мертво?..

– Конечно! – самоуверенно ответил я, – Если это «что» меняется, увеличивается или уменьшается, самостоятельно движется, изменяет форму или цвет, издает звуки, поглощает или испускает из себя какие-то вещества – значит оно живо!

– Значит, эти... «птички» живы... – улыбка старичка стала гораздо шире, и его крошечные глазки совершенно исчезли в морщинах щек, – Если ты отойдешь в сторону, ты сразу же убедишься в этом.

Я немедленно сделал шаг в сторону, не сводя глаз с обрамления зеркал, и тут же маленькая изящная головка одной из птиц плавно повернулась, провожая мое движение живым поблескивающим глазом. Остановившись, я улыбнулся, и в этот момент мне показалось, что маленький птичий глаз мне... подмигнул!..

Однако проводить дальнейшие наблюдения мне не дали, из-за дверей вынырнул советник Шу Фу и громогласно проверещал:

– Правитель Тянь Шу приглашает достопочтимого Фун Ку-цзы и его ученика предстать перед ним.

И маленький толстяк быстрым движением широко распахнул обе створки двери.

Фун Ку-цзы принял торжественный вид – надул щеки, приподнял плечи, сделал стеклянные глаза, и медленным коротким шагом направился к дверям. Я пристроился чуть позади и сбоку от своего наставника, придал своему лицу умное выражение и последовал за ним, сгорая от любопытства.

За дверями располагался очень большой зал, стены которого вплоть до простенков между окнами были изукрашены красно-золотым орнаментом, а потолочные балки в местах их примыкания к стенам покрывал резной узор. Толстые ковры, расстеленные на полу, совершенно скрадывали звук наших шагов, так что на середину зала мы вышли совершенно бесшумно. Наш провожатый замер в трех шагах от небольшого, очень низенького столика, на котором стоял письменный прибор с аккуратно разложенными кисточками и открытой тушечницей. По темной полированной столешнице были разбросаны кусочки плотной желтоватой бумаги, и на всех этих кусочках красовался единственный иероглиф – «милость Неба», словно хозяин зала тренировался в его правильном написании.

Сам хозяин, правитель Тянь Ши, сидел за этим неудобным столиком, скрестив под ним ноги и... спал! Во всяком случае, плотно закрытые глаза, безвольно обвисшие щеки и негромкое, но явное сопение указывали на сей странный факт. Огромное, плотное тело правителя, затянутое в яркий шелковый халат и обложенное подушками, чуть заметно колыхалось в такт сопению.

Признаться, я несколько растерялся от такого приема, однако и советник Шу Фу, и мой наставник вели себя, как ни в чем не бывало. Советник выпрямился, сохраняя в то же время некую, отчетливо выраженную подобострастность, и громко произнес своим визгливым голосом:

– Многомудрый учитель Фун Ку-цзы со своим любимым учеником предстали перед могущественным правителем уезда Гуанчу!

Советник сделал паузу, но «могущественный правитель» никак не прореагировал на его вопль. Шу Фу как-то странно хрюкнул и продолжил:

– Многомудрый Фун Ку-цзы покорнейше просит выслушать его и позволить преподнести дар!

После слова «дар» сопение смолкло, а правый глаз правителя чуть приоткрылся, и черный зрачок уставился на склоненную фигуру Фун Ку-цзы.

Советник, похоже, собирался продолжить свое выступление, однако, увидев открытый глаз хозяина, немедленно заткнулся. На несколько секунд в зале воцарилась тишина, а затем раздался хриловатый, словно после сна, бас:

– Какой дар?..

Фун Ку-цзы склонился еще ниже, сделал крохотный шаг вперед и протянул в сторону правителя сложенные вместе и раскрытые ладони. В них, словно в странной, корявой, плохо обожженной глиняной чаше, лежал довольно большой бесформенный камешек голубовато-зеленого цвета. Верхняя грань камня была отполирована, и я сразу понял, что учитель мой предлагает в дар правителю крупную и очень красивую бирюзу.

Открытый глаз Тянь Ши скользнул к этим заскорузлым ладоням, бровь над ним дернулась, а длинные черные усы, свисавшие ниже подбородка неожиданно зашевелились:

– Откуда взял?.. – хриловатость из баса исчезла, и вместо нее появилась странно напряженная заинтересованность.

Фун Ку-цзы молчал, и только его спина еще больше согнулась.

– Говори... – разрешил бас.

И вдруг я понял, что губы правителя Тянь Ши... не шевелятся, что басовитый голос звучит в зале как будто бы сам собой! Мой интерес к личности носителя местной власти взмыл до небес!

– Господин, – негромко, но внятно заговорил Фун Ку-цзы, – Этот Осколок Великого Неба в его грозном облике встретился мне во время моих скитаний по Розовым горам. Он лежал рядом с козьей тропой, по которой пролег мой путь, и смотрел своим ясным ликом на плывущие в небе облака. Со всем благоговением я поднял этот Осколок, и он согрел мои ладони! Но мне сразу стало ясно, что я не достоин такой драгоценности, что ее владельцем должен быть поистине высокий человек. Поэтому я прошу тебя, господин, принять под свое покровительство этот Осколок Высокого Неба.

И учитель склонился еще ниже.

Несколько секунд в зале царило молчание, а затем снова прозвучал бас:

– Я согласен принять твой дар... А теперь говори, чем я могу... тебя порадовать?..

– Уже то, что я могу лицезреть одного из величайших людей Поднебесной, для меня великая радость! – воскликнул Фун Ку-цзы, – А если я смогу быть полезным могущественному Тянь Ши, я был бы просто счастлив!!

И снова после этих слов в зале наступило недолгое молчание, словно правитель о чем-то раздумывал, однако, мне показалось, что он вместе с нами дожидается своего ответа. Наконец, этот ответ прозвучал:

– Шу Фу, поселишь моего гостя и его ученика в малом розовом павильоне, а вечером пригласишь их обоих на ужин... Мы будем смотреть, как под красной луной распускаются лотосы...

Уже посреди фразы глаз Тянь Ши закрылся, и правитель снова погрузился в сон. Однако бас продолжал звучать в зале:

– А после ужина нам хотелось бы услышать мнение высокоученого Фун Ку-цзы по некоторым спорным вопросам...

Голос смолк, и Шу Фу немедленно сделал знак, что нам пора удалиться.

Мой наставник почтительно поклонился спящему правителю Гуанчу и на цыпочках последовал за направившимся к выходу советником. Я повторил поклон учителя и двинулся следом. Уже у самой двери я оглянулся. Открытый глаз правителя внимательно следил за мной... Именно за мной!

Следуя за Шу Фу мы покинули кабинет правителя и саму официальную резиденцию. По мощеной красным кирпичом дорожке, прихотливо извивавшейся между невысоких цветущих кустов, советник вел нас вглубь сада, полого сбегавшего к берегу реки, и при этом безостановочно тараторил:

– Правитель очень благосклонен к вам, учитель Фун Ку-цзы, розовый павильон предназначен для самых высоких гостей!.. Вы не поверите, но в розовом павильоне совсем недавно останавливался сам великий маг Поднебесной Цзя Лянь-бяо!

Тут он оглянулся и торжествующе-высокомерным взглядом окинул невзрачную фигуру моего учителя.

– Великий Цзя Лянь-бяо очень благоволил к правителю Тянь Ши, вы видели, какой подарок он сделал правителю в этот свой последний приезд?!

– Так это дар самого Неповторимого Цзя?! – изумленно воскликнул Фун Ку-цзы, – Как же я сразу не догадался!! Ведь на такое чудо не способен в Поднебесной больше никто!..

Мне было очень интересно, каким таким чудом восхищаются эти двое, но спросить об этом я не успел, мой учитель задал советнику вопрос, ответ на который частично просветил меня:

– А что, правитель Тянь Ши может теперь совмещать сон и с едой и с питьем, и с прогулкой, и с... другими... э-э-э... делами?

– Нет! – чуть свысока усмехнулся Шу Фу, – Великий Цзя Лянь-бяо, вручая свой дар, сказал, что он не хочет чтобы его любимец утратил хоть что-то из жизненных наслаждений, он желает всего лишь скрасить ему скуку приема просителей и других... э-э-э... неинте-

ресных посетителей. И потому теперь правитель может выслушивать своих подданных и решать их дела, одновременно наслаждаясь сном и сновидениями!..

– Да!.. – вздохнул Фун Ку-цзы, – Цзя Лянь-бяо воистину велик! – и по его тону я понял, что он считает тему великого мага Поднебесной исчерпанной. Но у меня еще оставался целый ряд невыясненных моментов, так что со всей возможной почтительностью я проговорил:

– Учитель, позволь мне обратиться к достопочтенному советнику с вопросом...

Фун Ку-цзы бросил на меня удивленный, встревоженный взгляд и с явной неохотой процедил:

– Я надеюсь, это не какие-нибудь глупости?..

– Ни в коем случае, учитель!.. – заверил я старика.

Он секунду подумал и сказал:

– Хорошо, я спрошу у советника, захочет ли он говорить с тобой? – и повернувшись к советнику, делавшему вид, что не слышит нашего разговора, Фун Ку-цзы изобразил самую льстивую улыбку:

– Уважаемый Шу Фу, позволите ли вы моему ученику, Сор Кин-иру, почтительнейше обратиться к вам с вопросом?..

Советник бросил на меня косой взгляд, и вдруг мне показалось, что толстый, кругленький коротыш стал еще толще и круглее. Презрительно оттопырив губу, он брезгливо проговорил:

– Из уважения к вам, почтенный учитель, я выслушаю вопрос вашего... ученика, но предупредите его, что вопрос должен быть краток – мне некогда вести длительные беседы...

Слова «... со всякими там учениками!..» не были сказаны, но явственно повисли в воздухе.

Однако, мое любопытство было выше чьей бы то ни было брезгливости, а потому я, после короткого: – Говори... – брошенного учителем, почтительно поклонился и спросил:

– Достопочтенный Шу Фу, вы сказали, что Неповторимый Цзя Лянь-бяо благоволит к правителю Тянь Ши, а часто ли он навещает правителя?..

Глаза моего бедного старого учителя округлились от ужаса, когда он услышал из уст своего ученика столь вопиюще бестактный, даже наглый, вопрос. Поэтому он не заметил, что спрашивая, я сложил накрест указательный и средний пальцы правой руки, а потом встряхнул ладонью, словно сбрасывая с нее капли воды. С моей ладони действительно сорвались мелкие капли, но не воды, а захваченной из укутывавшего меня кокона, Силы. И эти капли попали как раз туда, куда я их нацелил.

Безмерный ужас моего учителя сменился безмерным изумлением, когда он услышал, как разбухший от собственной значимости советник, вдруг заулыбавшись, с неожиданным удовольствием принялся пространно отвечать на мой вопрос:

– О, мне вполне понятен твой интерес к великому и неповторимому Цзя Лянь-бяо! И я буду рад ответить на твой вопрос, тем более, что не каждый ученик даже такого замечательного учителя, как наш уважаемый Фун Ку-цзы, способен так мудро направлять свой интерес!

Тут он повернулся в сторону оторопевшего старика и заметил, – Ваш ученик, мудрый Фун Ку-цзы, – редкий ученик, в нем прекрасно сочетаются скромное уважение к старшим и похвальная любознательность. Я сам когда-то был таким учеником, и мне приятно видеть, что и в теперешнее, не самое лучшее, время не перевелся дух настоящего ученичества!..

Фун Ку-цзы, надо сказать, мгновенно сориентировался и с самой мудрой своей улыбкой ответил:

– Да, достопочтенный Шу Фу, ты чутко уловил высокие моральные качества моего ученика под его невзрачной внешностью...

«Это почему это „невзрачной“!..» – с некоторой обидой подумал я, но советник, не обращая внимания на замечания моего учителя, снова повернулся ко мне:

– Так вот, любознательный Сор Кин-ир, ты должен знать, что великий маг Поднебесной, Неповторимый Цзя Лянь-бяо действительно весьма благоволит к правителю Тянь Ши. И это не случайно – Тянь Ши находится в родстве с Неповторимым Цзя и к тому же сам не лишен магических способностей!..

Советник сделал многозначительную паузу после чего продолжил:

– Однако все имеющиеся у него способности правитель Тянь Ши поставил на службу своему могущественному родственнику! Ты также должен знать, что Неповторимый Цзя отнюдь не склонен гостить у своих родственников и почитателей, он предпочитает, чтобы они сами приезжали в его резиденцию... когда он их к себе вызывает. А нашего господина он вызывает к себе довольно часто. Если же Неповторимый Цзя решает навестить кого-либо из своих почитателей, то он задолго до этого уведомляет его о своем приезде, его управляющие прибывают в выбранную Великим магом резиденцию за две недели до его прибытия, чтобы подготовить все к его приезду, а свита Великого мага состоит не менее чем из двухсот сопровождающих!! В Цуду Неповторимый Цзя Лянь-бяо был дважды и оба раза занимал покои самого правителя Тянь Ши!..

Рассказывая все это, советник Шу Фу продолжал бодро продвигаться вперед по измелченному кирпичу дорожки, но произнеся последнюю фразу он вдруг остановился, его лицо приняло весьма удивленное выражение, и продолжил он свой рассказ несколько раздумчивым тоном:

– Правда в третий, последний, раз... два дня назад... Хм... Великий маг прибыл совершенно один... пешком... Он выглядел... странно измученным... даже, можно сказать, до предела вымотанным... Хм... Что же могло так утомить великого мага?!

Советник помолчал, задумчиво почесал щеку, словно вспоминая нечто удивительное, и продолжил:

– Да... Так вот... Неповторимый Цзя прибыл поздно вечером, попросил... нет... что это я... потребовал... конечно же потребовал, устроить его на ночлег в самом скромном павильоне и очень не хотел, чтобы о его пребывании стало известно слугам... Да, собственно говоря, об этом кроме Тянь Шу, меня и служанки малого розового павильона никто и не знает... Утром он осчастливил своим магическим подарком правителя и... Мне он тоже что-то подарил, вот только я не припомню что именно!..

Советник наморщил лоб, вспоминая, что же такое подарил ему великий маг Поднебесной, но я сразу же понял, что его память заблокирована и об этом подарке он ничего сказать не сможет. Я и так заставил его рассказать гораздо больше того, что ему было позволено. И тем не менее, я попробовал еще раз подтолкнуть его память:

– Может быть Неповторимый Цзя дал вам, почтенный Шу Фу, какое-нибудь наставление?..

– Точно! – мгновенно «вспомнил» советник, – Великий маг сказал, чтобы мы никому не рассказывали о его пребывании в Цуду, и чтобы мы зорко следили за своим уездом. Что здесь могут появиться его враги, которых можно узнать по странной, даже... э-э-э... неприличной... одежде, он, правда не уточнил, что это за одежда... И если эти... враги начнут выпрашивать о нем, мы должны немедленно их изолировать и сообщить ему об их появлении!.. А потом великий маг... ушел... пешком... с мешком...

Последние слова получились у советника совсем уж растерянными, словно он сам не понимал, как такое можно выговорить, и в этот момент я поймал на себе взгляд Фун Ку-цзы, посверкивающий некоей догадкой.

Я мгновенно сжал правый кулак, как будто мне попалась муха, избавляя Шу Фу от своего магического воздействия, однако его последующее поведение тоже оказалось доста-

точно странным. Он остановился на полушаге, оглядел окрестности растерянным взглядом и удивленно заявил:

– Вот это да!.. Я же прошел мимо отведенного для вас павильона!.. Как же это я так?!

И снова я поймал пристальный взгляд своего учителя, направленный на меня.

Советник, между тем, быстренько развернулся и покатил по дорожке в обратную сторону, громко удивляясь своей рассеянности. Мы, чуть поотстав, последовали за ним, и Фун Ку-цзы, не поворачивая ко мне головы, еле слышно пробормотал:

– Это ты над советником чудишь?!

– Ну что вы, учитель! – как можно естественнее обиделся я, – Просто господин советник, видимо, немного... устал, вот... по рассеянности... и пробежал мимо... цели.

Старик скосил на меня недоверчивый взгляд, и в это же мгновение совсем рядом с нами раздался противный голосок моего собственного... ученика:

– Он, он!.. Он еще и не такое может!.. Я-то уж точно знаю!..

Мы с Фун Ку-цзы резко повернулись на голос, но рядом никого не оказалось, хотя спрятаться на травянистой лужайке, по которой пролегла дорожка, было совершенно негде.

– Прошу, прошу за мной! – донесся до нас фальцет советника, укатившего уже довольно далеко, – До ужина осталось совсем немного времени, и из-за моей рассеянности, вам придется сократить свой туалет!..

Фун Ку-цзы судорожно вздохнул, укоризненно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Махнув рукой, он заторопился вслед за советником.

Вернувшись назад по мощеной дорожке шагов на сорок, Шу Фу свернул на едва заметную тропку, которая метров через десять вильнула прямо в заросли кустиков, напоминающих нашу войлочную вишню. За кустами, на небольшой, заросшей невысокой травкой поляне обнаружилась небольшая, легкая постройка и в самом деле напоминавшая павильон. Стены этой постройки были, похоже, побелены известью и в лучах заходящего солнца отсвечивали нежно-розовым.

– Вот ваше жилье!.. – бодро возвестил Шу Фу, останавливаясь около малюсенького крылечка. Оно было украшено изящными витыми столбиками и непременно назидательным изречением, выведенным на желтоватой бумаге и вставленном в деревянную рамочку.

«Чтобы направить силу влево, нужно прежде мыслью устремиться вправо», – прочитал я и подумал, что написанное прекрасно подходит для моего теперешнего положения, вот только здесь не сказано, чью силу надо направить влево...

Советник, между тем бодренько взбежал на крылечко и распахнул дверь.

– Юань-чу, – позвал он, и из глубины домика немедленно донеслось: – Иду, господин!..

Через секунду в проеме открытой двери появилась невысокая молодая девушка с круглым, миловидным личиком и большими, явно подведенными глазами. Окинув нас быстрым взглядом, она присела в поклоне перед Шу Фу и быстро проговорила:

– Слушаю, господин...

– Эти господа, – советник кивком указал на нас, – Учитель Фун Ку-цзы и его ученик, Сор Кин-ир, гости нашего повелителя. Он поселил их в розовом павильоне, и тебе необходимо позаботиться об их удобствах.

Затем Шу Фу повернулся к нам:

– Располагайтесь, господа, через час я пришлю за вами слугу, и он проводит вас в покои госпожи Имань Фу.

Тут он вдруг поднял руку и, слегка нахмурившись, потер пальцами лоб, а затем внимательно посмотрел на меня:

– Разговор с тобой, Сор Кин-ир, доставил мне изысканное удовольствие... вот только... – тут он снова потер лоб, после чего добавил, – Только, мне кажется, он не совсем закончен... Я ощущаю внутри себя некую незавершенность...

Его глаза вопросительно взглянули на меня, а я тут же ощутил на себе тревожное внимание своего учителя. Однако мне было хорошо известно, что советник помнил только то, что говорил со мной, а о предмете разговора он и понятия не имел – я не хуже их хваленого Цзя Лянь-бяо владел постановкой магического блока памяти. Но чтобы несколько успокоить советника, я, слегка поклонившись, ответил:

– На ваш последний вопрос, уважаемый советник, я непременно отвечу, после того, как немного отдохну. Согласитесь, что такая сложная и неоднозначная тема требует свежей головы!..

– Да, да, конечно... – улыбнулся советник, хотя на его лице была написана некоторая растерянность, он явно не помнил тему разговора и своего, оставшегося без ответа, вопроса, – Значит, мы продолжим нашу беседу, когда встретимся у госпо... у тетушки.

И, приятно улыбнувшись на прощанье, он сбежал по ступеням крыльца.

– И скоро уважаемый Шу Фу вспомнит, о чем говорил с тобой?.. – негромко поинтересовался Фун Ку-цзы, глядя в спину удаляющемуся советнику.

– А разве был какой-то разговор, – я удивленно поднял бровь и улыбнулся своей самой открытой улыбкой.

– Точно, никакого разговора и не было!.. – раздался рядом знакомый голосок.

Мы с Фун Ку-цзы опять быстро оглянулись на голос, и на этот раз узрели Поганца Сю. Он, совершенно не таясь, стоял около крыльца и довольно улыбался нам обоим.

– А ты что здесь делаешь?! – прошипел старик, забывая при виде моего ученика, обо всех, виденных им в моем исполнении, колдовских штучках.

– Как это «что делаю»?! – в свою очередь изумился Поганец, – Учусь!.. Ведь именно для этого я и пошел в ученики к мудрому Сор Кин-иру! И разве не прекрасен урок, который он преподавал... советнику Шу Фу?!

Мой старый учитель растерянно взглянул на меня и раскрыл, было, рот, чтобы достойно ответить этому мелкому поганцу, но в этот момент прозвучал мелодичный голосок забытой нами девушки:

– Господа пройдут в дом, или у них есть еще какое-то дело на дворе?..

Мы разом посмотрели на Юань-чу, и она в ответ мило улыбнулась:

– Хочу напомнить, что через час за господами придет слуга, а вам еще надо привести себя в порядок. Ведь, столь почтенным господам будет неприлично явиться в покои госпожи Имань Фу, беспокоя воздух ее покоев запахом... дальней дороги!..

Тут она слегка поклонилась и жестом предложила нам проследовать в дом.

Глава 3

*Чтобы направить силу влево,
нужно прежде мыслью устремиться вправо,
а чтобы направить силу вправо,
нужно прежде мыслью устремиться влево...
В любом случае нельзя двигаться напрямую.*
(Гу Нин-юань, XVI век)

Видимо, напоминание о «запахе дальней дороги» настолько встревожило моего учителя, что он, тут же позабыв о моем нахальном ученике, поспешил в дом, на ходу отдавая приказы:

– Попрошу немедленно наполнить ванну розовой водой, подать белой душистой глины, два больших полотенца и набор ножниц!..

Дальнейшие его слова стали неразборчивы, поскольку он свернул вправо по коридору и исчез, сопровождаемый нашей служанкой. Меня бросили, можно сказать, на произвол судьбы, а потому, обернувшись, я посмотрел на Поганца Сю:

– Ну, а нам что теперь делать?.. Или тоже срочно бежать в ванну, смывать «запах дальней дороги»?..

Поганец индифферентно пожал плечами:

– Я не воняю...

– Вот как? – усмехнулся я, – Тебе, значит, не свойственно потеть?..

– Свойственно, – ощерился в ответ Поганец, – Только я при этом, в отличие от вас, источаю упоительный аромат!..

– Да?.. – с сомнением произнес я и окинул маленькую, корявую фигурку задумчивым взглядом. Поганец немедленно развернул свои удивительные уши и противным от испуга голосом заверещал:

– И не надо на меня так смотреть!!! Не надо!!! И колдовать меня тоже не надо!!! Зависть великим магам не к лицу!!! Не надо!!!

– С чего это ты решил, что я тебе завидую и что я... собираюсь колдовать?.. – ласково поинтересовался я, откровенно складывая пальцы правой руки щепотью.

– Не надо!!! – снова заверещал малыш, шерсть у него на голове поднялась дыбом и вдруг он начал исчезать прямо у меня на глазах!

В первый момент я слегка растерялся, а потом, чисто интуитивно пробормотал короткий стишок, оказавшийся заклинанием «Истинного Зрения». Перед глазами у меня колыхнулся помутневший воздух, и сразу же все окружающее стало необыкновенно отчетливым. Поганец Сю тоже несколько изменился – из-под его набедренной повязки показались ручки двух коротких ножей, на ногах появились странного вида металлические сандалии, но самое главное у него образовалась еще одна пара рук!

«Ничего себе, ученичка я отхватил!..» – изумленно подумал я. А Поганец, будучи уверенным, что он исчез с моих глаз, начал медленно пятиться к углу павильона, стараясь не скрипеть песком дорожки и явно намереваясь смотаться подальше.

– Ну что ты так испугался... – самым добродушным тоном проговорил я, – Мне просто было интересно, как пахнут маленькие поганцы сю после... дальней дороги... И не пытайся сбежать! – я погрозил ему пальцем, – А то мне снова придется тебя привязывать!

Он немедленно остановился и изумленно уставился на меня, широко раскрытыми глазами:

– Так ты меня что, видишь?!

– Конечно! – подтвердил я, – И можешь поверить, что вижу я тебя во всей твоей невероятной красе, со всеми твоими... руками... ножами и... сапогами...

– Этого не может быть! – изумленно выдохнул Поганец и вдруг сразу сник. Все четыре его руки безвольно повисли вдоль тела, уши свернулись трубочками и спрятались в шерсти на голове, и без того коротенькие ножки подогнулись в коленках, а вся его фигурка засочилась немым отчаянием.

– Ну, не огорчайся ты так! – пожалел я его, – Я никому не скажу, какой ты красивый!.. Поганец посмотрел на меня укоризненным взглядом и снова понурился.

Мне очень хотелось его как-то утешить, но в этот момент позади меня раздался голос Юань-чу:

– Господин ученик, ваш наставник велел передать вам, чтобы вы тоже не теряли времени и быстрее приводили себя в порядок. Вы будете сопровождать учителя Фун Ку-цзы к госпоже Имань Фу.

Я повернулся и, приветливо улыбнувшись, спросил:

– И что же мне надо сделать, чтобы привести себя в порядок? Я, милая девушка, совсем не знаю ваших обычаев и порядков, так что тебе придется меня просветить в части внешнего вида и приличного поведения...

Однако, Юань-чу не ответила на мою улыбку, а, коротко кивнув, с важным видом произнесла:

– Следуйте за мной, господин ученик...

Девушка направилась вглубь дома. Я последовал за ней и тут же услышал за своей спиной довольное ворчание:

– Щас тебя девчонка научит, как себя вести!.. Попробуй только ее своим колдовством погугать!..

Я немедленно сделал грозное лицо и обернулся, однако заклинание «Истинного Зрения», сотворенное на скорую руку, уже развеялось, так что я никого не увидел, но зато услышал испуганный вскрик Поганца. Наугад погрозив в его сторону пальцем, я поспешил за нашей служанкой... или хозяйкой, не знаю уж, как правильнее ее назвать.

Она привела меня в небольшую комнату, в которой из мебели были только узкая циновка, положенная на небольшом возвышении около глухой стены, и небольшого столика, придвинутого к окну, выходившему в сад.

– Вот ваш кан, здесь вы будете спать, – сообщила мне Юань-чу, указывая на возвышение с циновкой. Затем она прошла через комнату к небольшой дверке, врезанной в противоположную стену.

– А здесь имеется все, что необходимо для поддержания своего тела в чистоте, – она приоткрыла дверку и жестом пригласила меня пройти внутрь.

Я приблизился к двери и осторожно заглянул в находившееся за ней помещение. Это была крохотная комнатка без окна, которое я немедленно окрестил про себя чуланом. Свет в этот чулан попадал только через открытую дверку, но его было вполне достаточно, чтобы рассмотреть стоявшую там здоровенную лохань и низенькую скамеечку, на которой возвышался большой кувшин, несколько небольших, плотно закрытых баночек и свернутый кусок ткани. В самом дальнем углу чуланчика виднелся белый горшок, живо напомнивший мне... детский сад – очень похожий горшок стоял под моей кроватью в том далеком, но незабываемом учреждении, и я передать вам не могу, как я его ненавидел.

– Н-да... – пробормотал я себе под нос, – Вспомним детство!..

– Господин ученик чем-то недоволен? – немедленно раздался за моей спиной голос Юань-чу.

– Значит именно здесь я могу привести себя в порядок? – переспросил я вместо ответа.

– Именно здесь, – подтвердила служанка, – Ванна наполнена, кувшин для омовения также полон, сосуд для плодов утробы сияет чистотой, душистая белая глина, бальзам из древесных лягушек и эссенция из травы легкого забвения находятся рядом с кувшином для омовения. Пока вы будете очищать тело, я займусь вашей одеждой, она будет готова к моменту вашего выхода...

И она протянула руку, предлагая мне скинуть свой затрапезный халатик и передать его ей. Не раздумывая, я скинул свое верхнее облачение и протянул его девушке, а та, машинально взяла его в руки и прижала его к себе. Тут я заметил, что ее глаза широко распахнулись, губы приоткрылись, а растерянный взгляд перебегает с моей шикарной голубой джинсы на мои не менее шикарные рязанские кроссовки.

Несколько секунд продолжалось это молчаливое разглядывание, а затем я, пытаясь как-то объяснить свою столь необычную одежду, немного насмешливо поинтересовался:

– А что, в вашей провинции принято, чтобы девушка так беззастенчиво разглядывала исподнее мужчины?..

Лицо Юань-чу мгновенно вспыхнуло пунцовым румянцем, она резко отвернулась и поспешила к выходу из моей кельи. Но я успел услышать ее сдавленный возглас:

– Ах, какое у вас, господин ученик, необыкновенное... исподнее!..

Дверь за ней захлопнулась, а я снова повернулся к ожидавшей меня лохани и подумал: «Да уж, исподнее у меня необыкновенное... крайне!»

Затем, медленно стягивая с себя свою земную одежду, я припомнил, как советник Шу Фу рассказывал об ожидаемых великим магом Цзя Лянь-бяо «неприлично одетых» врагах. А ведь я точно подходил под эту категорию... если бы халатик, презентованный мне учителем не скрыл мое... «неприличное» одеяние!

Раздевшись и аккуратно сложив одежду на полу около дверцы в «ванную комнату», я подошел к лохани и увидел, что она до краев наполнена желтовато отблескивающей водой, над которой курился легкий парок. Попробовав воду, я убедился, что она в меру горяча и перенес свое внимание на скамеечку, вернее на разнокалиберные баночки выстроенные около кувшина с холодной, как я убедился, водой. Баночек было четыре, что меня слегка удивило, потому что я отчетливо помнил, что Юань-чу упоминала только три косметических средства – душистую белую глину, бальзам из древесных лягушек и..., как это?.. Ах, да, эссенцию из травы легкого забвения!

Я открыл все четыре емкости.

В самой большой имелась... душистая белая глина... Во всяком случае то, что там лежало, имело белый цвет, консистенцию чуть размякшей глины и довольно приятный запах. Во вторую по величине банку, почти по самый край, была налита темная, маслянистая жидкость, в которой плавали какие-то странные ошметки. В одном из этих ошметков я углядел почти целую лягушачью лапку, правда довольно сморщенную, и догадался, что это пресловутый бальзам. Двух других, самых маленьких баночках находились ярко розовая кашица, которую я решил считать эссенцией, так как мелко перемолотый зеленоватый порошок в другой баночке эссенцией быть ну никак не мог.

Я взял баночку с неназванным служанкой порошком и, внимательно его рассмотрев, осторожно поднес к лицу. Моего носа коснулся едва заметный, чуть сладковатый, очень своеобразный и совершенно мне незнакомый запах. Едва я ощутил этот запах, как голова моя слегка закружилась, в теле появилось странное, непонятное возбуждение, а через секунду в самом темном углу моего туалетного чулана явственно проступила... фигурка обнаженной женщины!..

Мое неопределенное возбуждение сразу же приняло вполне отчетливые формы, причем в таком интенсивном виде, что я сам слегка испугался. А потому усилием воли, смешан-

ным с изрядной долей имевшейся под рукой магической энергии, я изгнал из себя приторный аромат порошка.

Голая баба в углу немедленно растаяла, голова моя прояснела, возбуждение улеглось... Вот только порошок в баночке явственно потемнел, словно был недоволен оказанным мной сопротивлением.

Закрыв провокационную банку и сунув ее под лохань, я полез в воду, окунулся и, зачерпнув горсть белой глины, принялся намазывать тело сим моющим средством...

Эта белая глина действительно очень неплохо исполняла роль мыла. Она покрывала кожу тоненькой пленкой, которая под действием воды... подсыхала и затем скатывалась в мелкие катышки, уносящие с собой всю осевшую на теле грязь. Причем после того, как глина удалялась, на коже оставался едва ощутимый, но очень приятный аромат.

Я дважды повторил процедуру помывки и собирался уже в третий раз намазаться остатками глины, как вдруг почувствовал, что в отведенном мне помещении кто-то присутствует. Через открытую дверь «туалетной» комнатки моя спальня была видна практически полностью, во всяком случае, я обязательно увидел бы вошедшего человека, но там никого не было, а ощущение чужого присутствия становилось все явственнее. Я замер, внимательно прислушиваясь к окружающему миру, и тут по окутывавшему меня кокону силы пробежала некая странная, неприятная дрожь, а через секунду мне стало ясно, что кто-то или что-то легкими магическими касаниями ощупывает собранный вокруг меня сгусток Силы.

Осторожно отключив зрение и вкус, я до предела обострил слух, обоняние и осязание. Тут же в окутавшей меня темноте я услышал короткое сухое покашливание и несколько невнятное бормотание:

– Кх-м, кх-м... Что ж это такое мы имеем... Что ж это такое появилось в доме у нашего дорогого Тянь Ши...

Я явственно ощутил прикосновение ловких, жестких, импульсов-пальцев к моему магическому кокону – его снова начали требовательно ощупывать. Это была мощная и еще не до конца понимаемая мной магия!

Качнувшись чуть влево, я ушел от этих нахальных пальцев, зато сразу же почувствовал весьма неприятный запах и в следующее мгновение понял, что эта вонища не что иное, как магическое сопровождение яростного недовольства моего неведомого исследователя.

– Так, так, так... – снова послышалось его бормотание, – А уплотненьице это к тому же весьма резвое... И что же это его вызывает... Ну-ка, ну-ка... где там его сердцевинка?... Кто ж это из гостей моего дорогого Тянь Ши умеет создавать такие магические запасы... и зачем?!!

Пальцы шустро забегали вокруг меня, пока еще не найдя моего кокона, но я очень хорошо чувствовал их быстрое перемещение, и было у меня такое ощущение, что этих настойчивых пальчиков не один десяток!

Откачнувшись еще раз влево, я увеличил расстояние между собой и ищущими импульсами. Затем несколько, может быть, небрежно, но зато очень быстро сформировал рядом с собой еще один, правда, довольно рыхлый магический кокон и, поместив в его середину... банку с остатками белой глины, толкнул свое создание в сторону чужой магии.

Ищущие меня импульсы, почувствовали новый кокон и на мгновение замерли, а затем буквально вцепились в свою находку.

– Вот ты где, дорогой, – раздалось довольное бормотание, – Теперь я тебя уже не упущу... Так, что тут у нас имеется?..

Дальнейшие слова были очень неразборчивы, но, как я понимал, исследование моей «куклы» проводилось весьма подробное. Я сам, между тем, очень осторожно продолжал увеличивать расстояние между собой и «исследователем», тем более, что некоторые из задействованных импульсов продолжали обшаривать пространство вокруг пойманной «куклы».

И тут мне в нос снова шибануло вонью, причем, на этот раз аромат был настолько мощным, что из моих незрячих глаз вышибло слезы. Похоже, неведомый исследователь пришел уже в совершеннейшую ярость. И бормотание сразу же стало совершенно отчетливым:

– Значит, этот дурак снова взялся за изготовление магических предметов!.. Я же его предупредил, чтобы он не делал этого, что его Дар может понадобиться мне в любой момент!.. А он, выходит, решил, что мой приказ можно... игнорировать!.. Ну, Тянь Ши, ты, видимо, не до конца осознаешь, насколько суров может быть Неповторимый Цзя!.. Придется тебе сделать еще одно внушение!!!

И в это же мгновение магическое присутствие Великого Мага Поднебесной... исчезло. Вокруг меня клубилась совершенно пустая темнота, окружающий магический фон, еще секунду назад взбаламученный исследовательскими манипуляциями, мгновенно успокоился. Еще несколько секунд я напряженно следил за окружающим пространством, однако ничто не указывало на присутствие рядом со мной какой-либо чужой магии. Глубоко вздохнув, я снял напряжение со слуха, обоняния и осязания, но... зрение и вкус почему-то не возвращались!.. Меня по-прежнему окружала вязкая однородная темнота.

Стараясь не впасть в истерику, я со всей тщательностью повторил установку на восстановление зрения и вкуса и... снова у меня ничего не получилось!

Я закрыл глаза и провел по векам пальцами – все, вроде бы, было в полном порядке, вот только глаза мои не видели. Несколько раз вздохнув, чтобы унять начинающееся сердцебиение, я постарался как можно тщательнее сосредоточиться, еще раз повторил установку на восстановление зрения и совсем уже собрался открыть глаза, как вдруг совсем рядом раздался громкий возглас Юань-чу, прозвучавший с изрядной долей лукавства:

– Ой!.. Прошу прощения, господин ученик, я не думала, что вы в такое время будете заниматься медитацией!

Я вздрогнул и быстро огляделся... зрение мое совершенно восстановилось, как, впрочем и вкусовые ощущения, поскольку, во рту чувствовался сильный привкус крови.

Юань-чу, старательно отворачивая от меня личико, возилась возле кана, рядом с которым появился маленький трехногий столик с установленной на нем лампой из зеленого камня, а я, голый и не совсем обсохший, сидел совсем и не в лохани, а посреди комнаты, в позе лотоса. Впрочем, через секунду я уже был в своей ванной комнате и быстренько натягивал свое не слишком чистое белье, даже не подумав обтереться приготовленным для этой цели полотенцем. Трусы и футболка, надетые на мокрое тело, как-то сразу успокоили меня и вернули некоторую уверенность. Немного подумав, я решил не надевать джинсы и куртку, а ограничиться подаренным учителем халатиком, и тут же вспомнил, что халатик этот утащила нахальная служанка.

Осторожно выглянув из чулана, я увидел, что комната пуста, а на моем спальном месте – кане, как называла его Юань-чу, лежит моя аккуратно свернутая одежда. Накинуть халат было делом нескольких секунд, после чего я смог убедиться, что все прорехи в нем тщательно и умело зашиты, к бортам халаты были приделаны новые завязки из узорчатой тесьмы, такая же тесьма была предложена и в качестве пояса. В общем, халатик стал хоть куда!..

Едва я успел завязать последнюю тесемку, как за дверью моей спальни раздался зычный голос Фун Ку-цзы:

– Сор Кин-ир, долго ты еще будешь прихорашиваться?! Или ты думаешь, что госпожа Имань Фу будет безропотно дожидаться, пока столь важная персона, как мой ученик, закончит обрызгивать себя лотосной водой?!

И вдруг, в ответ на вопль моего учителя, раздался мелодичный голосок Юань-чу:

– Господин учитель, господин ученик только что закончил свою дневную медитацию и безусловно уже готов к приему у госпожи Имань Фу...

– Медитацию?!! – проревел старикан, и было непонятно чего в этом реве больше – ярости или удивления.

Я толкнул дверь и с полным достоинством вмешался в разговор:

– А что тебя удивляет, учитель? Не хочешь же ты, чтобы твой ученик предстал перед столь важной персоной полной деревенщиной?.. Для такого важного визита мне необходимо было привести в порядок не только свое тело, но и свой дух!

Старик выпучил глаза, набрал полную грудь воздуха и... перевел взгляд на стоявшую рядом служанку, которая с интересом ожидала продолжения нашего разговора. Затем Фун Ку-цзы снова посмотрел на меня, ярость в его узких глазках погасла и он с шумом выпустил набранный воздух... не произнес ни одного из приготовленных слов.

На мордашке Юань-чу читалось жестокое разочарование, которое, видимо несколько порадовало моего учителя. Гордый выказанной им выдержкой, он оглядел меня и уже совершенно спокойным тоном произнес:

– А где это ты раздобыл... э-э-э... такую... приличную одежду?..

Поскольку его халат тоже явно побывал в заботливых руках Юань-чу, я со спокойной совестью ответил:

– Здешняя хозяйка весьма сведуща в том, как подобает выглядеть мужской одежде и испо... И старается постоянно совершенствоваться в этом знании!..

При этом я весьма красноречиво взглянул на девушку, и та, вспомнив, видимо, мое «исподнее», густо покраснела.

В этот момент нашу содержательную беседу прервал зычный рев, раздавшийся во дворе:

– Госпожа Имань Фу приглашает многомудрого учителя Фун Ку-цзы и его ученика в свои покои!!!

Мой старый учитель подхватил полы халата и, грохоча своими деревянными сандалиями, ринулся к выходу из павильона. Я поспешил следом, но вполне отчетливо расслышал негромкие слова, сказанные мелодичным голоском за моей спиной:

– Ну... попадетсЯ еще раз мне в руки твой халатик, господин ученик!..

И мне живо представилось, что станется в этом случае с моей одежкой.

Фун Ку-цзы, не замедляя хода, врезался во входную дверь, от чего та, с грохотом распахнулась, и через мгновение я услышал восторженный вопль моего учителя:

– Приветствую тебя, благой посланник, возвестивший мне благую весть о том, что благодетельная госпожа Имань Фу призывает недостойного предстать пред ее прекрасные очи!!! Я следую за тобой, гонец моей госпожи!!!

На секунду стало тихо, а затем до меня донесся вопрос, заданный неожиданно спокойным тоном?

– А где второй?..

– Второй?.. – так же спокойно переспросил Фун Ку-цзы.

– Ну, да, второй... Мне было сказано привести двоих... Учителя и его ученика... Ты собственно кто будешь, учитель или ученик?..

Именно в этот момент я появился в дверном проеме и смог лицезреть физиономию моего старого учителя, отвечающую на последний слышанный мной вопрос. Испугавшись, что со стариком от нанесенного оскорбления может случиться удар или он сотворит что-нибудь нехорошее с этим посланником, я поспешил вмешаться:

– Даже столь молодой человек, как ты, о посланник несравненной Имань Фу, мог бы догадаться, что почтенный старец, на челе которого написана истинная мудрость, не может являться никем иным, кроме великого учителя Фун Ку-цзы! Однако, ты, как я вижу, еще слишком молод и слишком... неопытен, чтобы читать по лицам, а потому говорю тебе – ты сподобился лицезреть саму мудрость, воплощенную в человеке, а я ученик этого человека...

Посланник, действительно бывший весьма еще молодым парнем, стоял, открыв рот и с довольно глупым видом слушал эту мою галиматью. Зато ученый старикан, казалось, просто наслаждался звуками моего голоса.

– А теперь выполни свое предназначение и проводи нас к пославшей тебя госпоже!.. – самым торжественным тоном закончил я свою речь.

– Чего?.. – переспросил парень.

– Веди нас туда, куда тебе приказано! – довольно грубо пояснил мою мысль Фун Куцзы, а затем повернулся ко мне, – Твоя речь, может быть, была хороша, но тот, для кого она говорила не готов ее понять...

Парень, поскребывая щеку, переводил глаза с меня на старика и пытался понять о чем это мы беседуем.

– Но даже сухой куст при обильном поливе может дать свежий побег... Даже скудный разум при достаточных усилиях может родить свежую мысль... – возразил я учителю и с удовольствием увидел, как удивленно вытянулась его круглое лицо.

– Сам придумал?.. – недоверчиво поинтересовался он, забывая о посланнике и его невоспитанности.

– Ну что ты, учитель, – я лукаво склонил голову, – Это твоя мысль.

– Да?! – старик удивленно поднял правую бровь, но тут же «вспомнил», – Ах, да... Ну конечно же... Кх-м...

Он повернулся к посланнику, строго посмотрел на него и сурово поинтересовался:

– И долго ты будешь так стоять?.. Веди нас к своей госпоже!..

Парень то ли кивнул в ответ, то ли просто тряхнул головой, повернулся и молча направился по тропке, тянущейся к уже знакомой нам мощеной дорожке. Выйдя на дорожку, наш посланник повернул вправо. Через несколько минут мы вышли к речке или одному из ее рукавов, через который был перекинут маленький, очень изящный, но на мой взгляд слишком горбатый мостик. Перебравшись на другой берег речки, мы пошли вдоль ее тихого, но быстрого потока, скрытого от нас ровненькой порослью ивняка, а затем свернули влево, мимо изящной беседки, стоящей на невысоком, явно искусственном холмике, и оказались в двух шагах от довольно большого дома.

Дом был двухэтажный, деревянный и довольно высокий. По бокам к нему примыкали два одноэтажных длинных флигеля, так что вся постройка образовывала букву «П», причем двор перед домом был вымощен гладкой каменной плиткой. Высокие, двусторчатые, покрытые затейливой резьбой двери главного здания были широко распахнуты и за ними виднелся просторный зал.

Едва мы ступили на плиты двора, как наш увалень-проводящий куда-то исчез, а мой учитель замедлил шаг и принял весьма почтительный, я бы даже сказал, подобострастный вид. Пристроившись за его спиной, я постарался подражать его манерам. Таким образом мы очень медленно, торжественно подошли к самым дверям дома и... остановились. Эта остановка позволила мне хорошо рассмотреть открывшееся перед нами помещение.

Зал не имел окон, так что свет в него попадал только сквозь распахнутые двери, зато он был очень высок – в два света, что создавало ощущение необыкновенного простора. На противоположной от дверей стене виднелся целый ряд портретов, под которыми была укреплена полированная доска из, похоже, красного дерева, на которой золотом было выведено несколько иероглифов. «Преданность и почтительность к старшим пусть продлятся в семье» прочитал я, и перевел взгляд с надписи на стоящей под ней узкий и длинный стол, покрытый, словно некий алтарь, каменной плитой. Весь этот стол был довольно плотно заставлен курильницами, вазами и вазочками, как пустыми, так и с цветами, свечами, деревянными шкатулочками, впереди, масляно поблескивая начищенной бронзой, красовался небольшой

колокол. Прямо над серединой этого стола на длинной цепи, начинающейся от центральной потолочной балки, висела большая, по всей видимости, масляная лампа.

Вдоль стен зала, в некотором полумраке, поскольку на дворе уже смеркалось, виднелась расставленная мебель – в основном небольшие диванчики, креслица, столики.

Едва я закончил свой осмотр, как в стене, левой от дверей, открылась небольшая дверка и в зал вошли три женщины. Две из них прошли к центру зала и остановились перед алтарем, а одна, постарше, поспешила к дверям, пришаркивая по плитам пола плетеными из веревки тапочками, мелькавшими из-под подола длинного атласного халата.

Приблизившись к нам, она поклонилась, а потом заговорила низким певучим голосом, обращаясь к Фун Ку-цзы:

– Учитель, госпожа Имань Фу ожидает тебя... – тут она стрельнула глазом в мою сторону и добавила, – И твоего ученика... Она рада, что именно сейчас судьба привела тебя в ее дом, потому что ей необходим совет столь просвещенного и авторитетного человека...

Отступив чуть в сторону, она плавно повела рукой, приглашая нас войти внутрь дома.

Фун Ку-цзы церемонно поклонился, сохраняя весьма почтительный вид, и негромко ответил: – Я рад быть полезным госпоже... – после чего, медленным, торжественным шагом направился внутрь зала, к двум находившимся там женщинам. Я, естественно, скромненько последовал за ним.

Стоявшая чуть впереди немолодая женщина была, как я понял, хозяйкой дома. Эта невысокая, полненькая дама с высокой, замысловатой прической, пронзенной во многих местах длинными золотыми шпильками, выбеленным щекастым лицом и нарисованными в надлежащих местах бровями, ресницами, губами, родинками, румянцем и даже, по-моему, глазами, была разодета в роскошный шафранного цвета халат, подпоясанный широким, расшитым золотыми нитями поясом. Чуть позади нее, опустив глаза и нервно перебирая пальчиками пластинки веера, стояла совсем молоденькая девчушка в коротком, простом голубеньком халатике, из-под которого выглядывали синие шароварчики и крошечные бирюзовые туфельки с загнутыми носами. Личико у девчушки также было полностью замазано белилами по самые уши, так что гладко зачесанные и заплетенные в тугую косу черные волосы казались смешным неподходящим шлемом, надетым на шляпную болванку.

Фун Ку-цзы приблизился к хозяйке дома, остановился, ответил нижайший церемонный поклон и торжественно произнес:

– Я рад приветствовать госпожу Имань Фу – образец женской красоты и государственного ума, и надеюсь, что она не оставит своими милостями ничтожнейшего из ее почитателей!..

Мне, естественно, пришлось повторить поклон моего учителя, но говорить я конечно ничего не стал, хотя мне показалось, что хозяйка ждала от меня каких-то слов.

За приветствием Фун Ку-цзы последовала довольно продолжительная пауза, словно хозяйка дома обдумывала сказанное стариком, а затем она с самой милой непосредственностью и неожиданной живостью заговорила:

– Милый, милый Ку, как я рада, что именно сейчас твоя дорога привела тебя в наш дом... Ты себе представить не можешь, мой дорогой Ку, как мне нужен совет именно такого знающего, мудрого, осторожного, дальновидного человека, каким, без сомнения, являешься ты. Еще вчера, я была в полной растерянности, а сегодня, узнав, что в нашу дверь стучится мудрый Ку, я обрела надежду и уверенность!..

Тут она живо обернулась в сторону девчушки и долгим, строгим взглядом уперлась в белую маску, заменявшую ей лицо. А я, слегка ошарашенный столь многословной радостью хозяйки и ее своеобразным обращением к Фун Ку-цзы, вдруг подумал: «Три раза „ку“ – зеленые штаны!», и перед моим мысленным взором предстала сцена из лучшего творения Георгия Данелия.

Имань Фу, между тем, снова обратила свой взор к нам и предложила:

– Пройдем к столу, накрытому в вашу честь и продолжим наш разговор за трапезой...

Она повернулась направо, Фун Ку-цзы мгновенно оказался рядом с хозяйкой, и они неторопливо направились вглубь зала к небольшому столику, около которого стояли два полукресла с высокими прямыми спинками и два небольших пуфика, обтянутых цветной рогожкой.

Я последовал за своим учителем, а девушка за хозяйкой дома, таким образом мы оказались рядом, но ни словом не перекинулись, поскольку девчушка явно не была расположена к светской беседе. Более того, мне показалось, что она чем-то чрезвычайно расстроена и буквально готова расплакаться.

А госпожа Имань Фу продолжала говорить:

– Ты, мой милый Ку, конечно расскажешь, откуда идешь, куда направляешь свой путь и что нового ты увидел в Поднебесной со времени своего последнего пребывания при нашем дворе... Твои интересные рассказы всегда так оживляют нашу размеренную, унылую жизнь, вливают в нее столько... радостного познания. Я надеюсь, что ты пробудешь у нас достаточно долго, что тебя не торопит какое-либо обязательство...

Тут она бросила быстрый взгляд через плечо и мгновенно сменила тему разговора:

– А этот молодой человек и есть тот самый твой ученик... У него такое странное... э-э-э... необычное, я бы сказала, обличье... даже не вериться, что ты, дорогой Ку, принял его ученичество. Откуда он взялся?.. Он действительно очень умен?.. Мой племянник утверждает, что он имеет очень своеобразный взгляд на вещи и... что он многословен, однако, я не почувствовала пока его многословия...

Она остановилась около одного из кресел, подождала, когда Фун Ку-цзы отодвинул его от стола, и уселась на свое место. Затем старик занял кресло, стоявшее напротив, после чего Имань Фу махнула пухлой ручкой в нашу сторону:

– Вы тоже садитесь... Не маячьте перед глазами.

Девчушка быстро опустилась на ближайший пуфик, и мне ничего не оставалось, как только занять последнее сидячее место.

Столик был небольшим, но плотно заставленным всевозможными закусками, большинство из которых были мне незнакомы. В центре стола расположилось большое блюдо, наполненное чем-то похожим на... рис желтовато-серого цвета. Рис этот был присыпан мелко нарубленной зеленью, а само блюдо окружали небольшие глубокие судочки, содержавшие разного вида соусы. Далее следовали мелкие тарелки наполненные то ли мясом, то ли рыбой, приготовленной также в различных соусах, хотя, может быть все эти кушанья были растительного происхождения. Прямо передо мной, на небольшой цветастой салфеточке стояла малюсенькая тарелочка, а по обе стороны от нее лежали две небольшие деревянные лопаточки, причем края одной из этих лопаточек были скруглены и имели острую кромку – по-видимому, это были столовые приборы.

Я сразу же решил, что во время ужина буду стараться самым тщательным образом подражать своему наставнику, который не удосужился ознакомить меня с действующими в Поднебесной порядками поведения за столом.

В этот момент рядом с креслом хозяйки появилась третья женщина, та самая, которая приветствовала нас на пороге зала. Наклонившись к Имань Фу, она внимательно выслушала то, что госпожа прошептала ей на ухо, после чего взяла ее тарелочку, наложила в нее немного «риса» и, полив его зеленоватым соусом, поставила тарелку перед хозяйкой. Затем она налила из посуды, похожей на заварочный чайник, в небольшую чашечку розовой жидкости и также поставила чашку рядом с хозяйской тарелочкой.

Фун Ку-цзы, нимало не смущаясь, так же во всю орудовал лопаточкой, накладывая себе кушаний и приправляя их соусами. Его чашечка уже была наполнена каким-то густым зеленоватым напитком.

А вот девушка сидела совершенно неподвижно, по-прежнему опустив глаза и, казалось, совершенно не замечала изобилия, выставленного на столе.

Что касается меня, то я вдруг почувствовал зверский голод, и мне в голову сразу же пришла довольно нахальная мысль: – «Я ж всего-навсего ученик и к тому же – варвар! Значит, даже если что-нибудь сделаю не так, то имею полное право на снисхождение!» Ободренный этим соображением, я вооружился своей лопаткой и совсем уж собрался покопаться в блюде с «рисом», как вдруг из-за моего плеча раздался еле слышный, но такой знакомый голосок:

– Эй, учитель, не лезь своей черпалкой в общее блюдо... Посмотри внимательно, там специальная накладывалка имеется...

Я «посмотрел внимательно» и действительно обнаружил торчащую из-за горки риса деревянную ручку этой самой накладывалки. Наполнив свою тарелочку, я принялся изучать стоящие рядом с блюдом судки с соусами и совсем уж собрался попробовать нечто, весьма напоминающее жидкий кетчуп, как опять услышал голосок Поганца Сю:

– Не, учитель, возьми лучше крапивной приправы... вон той, зелененькой, она для сорги лучше всего подходит...

Я с сомнением взял судок, наполненный до краев зеленой кашцей, и осторожно понюхал. В нос мне ударил ядреный запах чеснока, смешанный с каким-то странным, отдаленно знакомым, но неопределимым ароматом.

– Твой ученик, дорогой Ку, оказывается гурман!.. – немедленно последовал возглас хозяйки дома, – Он отдает предпочтение крапиве тан!..

Старик с неким удивленным интересом взглянул в мою сторону, но что меня больше всего поразило, девушка, неподвижно сидевшая напротив, тоже подняла свое выбеленное лицо и посмотрела на меня. За этим повышенным интересом я почувствовал подвох, мне даже показалось, что я слышу тихое хихиканье Поганца Сю!..

Тем не менее, я отважно сдобрил свою соргу зеленой кашкой и, запустив в это месиво черпалку, приготовился отправить в рот солидную порцию кушанья... Только сначала, незаметно для присутствующих, я произвел пальцами левой руки некий пасс, значительно снизивший мое вкусовое восприятие. Правда, мне не слишком нравилось так часто... угнетать собственные чувственные восприятия, но в этот момент я не видел другого способа достойно выпутаться из ситуации, в которую меня поставил маленький... Поганец!

Потом я не раз вспоминал этот эпизод из своих приключений и благословлял собственную предусмотрительность! Кусочек, который я положил в рот был настолько жгучим, что при нормальном чувстве вкуса у меня из глаз наверняка брызнули бы слезы и вряд ли я смог бы быстро отдышаться, а так я всего лишь скривил недовольную физиономию и словно бы про себя пробормотал: – Соус мог бы быть и поострее... А через секунду я осознал, что все трое мои сотрапезника молча и с невообразимым изумлением взирают на мою скромную особу.

Наконец, хозяйка дома подняла руку и сделала неуловимое движение пальцами. Служанка немедленно взяла со стола судок с опробованной мной приправой и поднесла своей госпоже. Та, совсем как я, понюхала его содержимое, взяла каплю соуса на кончик своей черпалки и лизнула. Взгляд, брошенный после этой пробы в мою сторону, был еще более удивленный. Поскольку я не показывал вида, что ее удивление замечено, она обратилась к моему учителю:

– Шу Фу предупреждал меня, что твой ученик – весьма необычная личность, но я не думала, что он настолько... э-э-э... необычен!..

Новый взгляд в мою сторону и вопрос:

– И где ты его отыскал, дорогой Ку, наверное, в какой-нибудь совсем уж дикой провинции?.. А может быть, ты забредал и к варварам?!

– Конечно, госпожа, – ответил Фун Ку-цзы, – Путь мой, с тех пор, как я в последний раз покинул порог твоего гостеприимного дома, уводил меня очень далеко. Проходил он и через земли варваров и через самые отдаленные провинции Поднебесной... Однако, этого ученика Всеблагое Высокое Небо послало мне в ответ на мою молитву... совсем недалеко от вашего дома, буквально в нескольких ли... Мои прежние ученики, а их у меня, как ты возможно помнишь, госпожа, было трое, не выдержали павших на их плечи тягот, и они покинули меня, избрав себе иной путь. И вот, приближаясь к Цуду, я, не желая показываться в твоём доме в одиночку, решил помолиться Высокому Небу о ниспослании мне ученика. Каково же было мое удивление, когда я, даже еще не закончив молитвы, увидел, как он спускается ко мне...

– Что значит – спускается?! – удивленно воскликнула Имань Фу.

– О, госпожа, – оживленно ответил старик, – Он действительно спускался с неба, и мне даже пришлось поторопить его, так как начав разговор со мной, он... э-э-э... просто висел над землей!..

Обе сидевшие за столом дамы посмотрели на меня буквально раскрыв рот, но я, скромно потупившись, возразил:

– Учитель, по своей доброте, преувеличивает мои способности... Ему, наверное, просто что-то попало в глаз и потому показалось будто я... не стою на земле... На самом деле я вовсе не умею... левитировать.

– Что делать?! – немедленно переспросила хозяйка.

– Левитировать, – повторил я, – висеть или передвигаться в воздухе без каких-либо приспособлений...

– А с приспособлениями можешь?.. – неожиданно вступила в разговор девушка, я даже слегка растерялся и, видимо поэтому, не подумав, брякнул:

– Ну, с «приспособлениями» любой сможет...

– Ах... – горько вздохнула девушка и опустила взгляд на свою пустую тарелку, – Как бы я хотела улететь далеко-далеко...

И вдруг она бросила в мою сторону быстрый, странно заинтересованный взгляд, правда никто, кроме меня его не заметил, поскольку в этот момент заговорил Фун Ку-цзы. Льстивым тоном, не отрывая преданного взгляда от лица хозяйки дома, он поинтересовался:

– Откуда, милая Шан Те, у тебя такие желания?.. Разве в этом доме ты не любимейший из цветков?.. Разве наша несравненная госпожа Имань Фу не печется о твоём счастье?!

Девушка опустила глаза в свою пустую тарелочку и принялась водить по ее дну лопаткой. Она, видимо, не могла сказать о том, что думает по поводу «попечения» своей госпожи и не хотела лгать, так что ей оставалось только промолчать. Однако настырный старикан не отставал:

– Посмотри, какая прекрасная надпись начертана над алтарем твоих предков, нужно всего лишь следовать этому мудрому наставлению и покой и счастье поселятся в твоём сердце!.. Подумай и о том, какое счастье в самом начале своей жизни уже знать о своём предназначении и не метаться по Миру в поисках себя. Какая радость не думать о том, как прокормить себя в наступающем дне и как избежать опасностей, подстерегающих тебя на дороге жизни...

Тут девушка неожиданно подняла свое личико и совершенно серьезно поинтересовалась:

– А может быть как раз самое главное на дороге жизни – преодолевать подстерегающие тебя опасности и самому заботиться о пище и питье? Может быть именно в этом состоит... дорога жизни?..

Старик с жалостливым умилением посмотрел в ее открытое серьезное личико и покачал головой:

– Шан Те, маленькая моя, поверь мне, ухабы дороги жизни не укрепляют человека, а подтачивают его... Заботы долгого Пути не красят лица милых девушек, а бороздят их морщинами... Недоедание не делает тоньше и стройнее стан, а сжирает внутренности человека...

– Но может ли человек стать... Человеком, если не пройдет свою дорогу жизни, свой Великий Путь сам, без... костылей, подсунутых ему под руки старшими?.. – все так же серьезно возразила Шан Те.

Я, признаться, зауважал девчонку, хотя тоже считал, что лучше на этом... «Великом Пути» воспользоваться «костылями взрослых», чем переломать себе ноги – ну не верил я в способность этой маленькой, хрупкой девчушки самой преодолеть все предстоящие ей «ухабы»!

В этот момент хозяйке дома видимо не понравилось, что разговор на столь животрепещущую тему, как будущее ее любимицы, перешел в некую философскую плоскость и что она принимает в нем недостаточно активное участие. Не дожидаясь, что ответит девчонке учитель, Имань Шу заговорила настолько возбужденно, что в ее, и без того высоком голосе, начали проскакивать визгливые нотки:

– Видишь Ку, что с ней стало?! Ни капли почтительности, только споры, споры, споры!.. У этой девчонки появились ответы на любые вопросы – ответы дерзкие и неразумные! Но пусть она ответит на такой вопрос – как она думает выплатить Дань Желтому Владыке?! Где она возьмет камень отвечающей ее положению?!

Слово «камень» госпожа Фу произнесла с таким благоговением, будто речь шла о каком-то божестве. Я насторожился, похоже, сейчас разговор коснулся чего-то очень важного для меня.

– Действительно, дитя, – немедленно поддержал свою благодетельницу мой учитель, – Разве у тебя есть возможность внести свою Дань самостоятельно. Внести Дань, соответствующую твоему статусу? Или ты согласна... опуститься?!

Последнее слово с большим трудом далось старику, как будто он выговаривал некую непристойность.

Девчушка снова опустила глаза на тарелку, и вдруг по ее густо набеленной щеке покапала быстрая слезинка, оставляя глубокий, чуть грязноватый след.

– И не смей плакать!.. – еще повысила голос Имань Фу, – Слезы это не аргумент!

Старик с некоторым удивлением взглянул на хозяйку дома, а затем перевел взгляд на Шан Те и повторил гораздо мягче:

– Слезы – это не аргумент, как правильно сказала твоя... матушка. А вопрос, который я тебе задал, очень важен...

Девчонка подняла голову и с неожиданной силой ответила:

– Я не собираюсь... опускаться... Я хочу встать рядом с любимым человеком!..

– Ты будешь мести двор сельского гадальщика!!! – взвизгнула Имань Фу и так шлепнула ладонью по столу, что ее тарелка подпрыгнула, разбрасывая вокруг себя остатки сорги.

Видимо, сказанное было настолько неприличным, что все участники разговора замолчали. А может быть они просто переводили дух и успокаивали нервы с помощью мысленного аутотренинга.

Во всяком случае, я решил вмешаться в эту несколько нервную беседу. Напустив на себя немного дурацкий вид, я обратился к Фун Ку-цзы:

– Учитель, можно мне обратиться к уважаемой Имань Фу с вопросом?..

В этот момент старик, воспользовавшись перерывом в беседе, решил попробовать одно из блюд, и мой вопрос стал для него очень большой неожиданностью. Уронив со своей черпалки на скатерть кусочек мяса в розовом соусе, он поднял на меня испуганные глаза, потом быстро посмотрел на Имань Фу словно извиняясь перед ней за мое непроходимое хамство и в тоже время испрашивая разрешения на мой вопрос. Сама Имань Фу тоже была весьма удивлена тем, что я открыл рот, но, поскольку мои слова были обращены к учителю и буквально сочлились почтением к ее персоне, она вдруг милостиво улыбнулась:

– Спрашивай, я разрешаю... И назовись, а то я забыла, как тебя зовут.

– Учитель меня зовет Сор Кин-ир, о великолепная госпожа, а вопрос мой заключается в следующем. Верно ли я понял госпожу Шан Те? Когда она говорила о том, что хочет встать рядом с любимым человеком, она имела в виду кого-то конкретно?

– Вот именно что конкретно! – сердито ответила Имань Фу, сдерживая, однако свое раздражение.

– Но чтобы встать рядом, обратился я к самой Шан Те надо либо подняться, либо... опуститься... Поскольку, если ты на одном уровне с человеком – ты уже рядом.

Шан Те видимо хотела что-то сказать мне в ответ, но я с улыбкой опередил ее:

– Если ваш избранник выше вас по статусу и готов помочь вам подняться до него – это для вас благо, а для него – труд. Если вы с вашим избранником на одном уровне и любите друг друга – это для вас обоих благо. Если же ваш избранник ниже вас, то вам придется либо поднять его до себя, что, как показывает опыт, сделать очень тяжело, практически невозможно, либо вам придется опуститься до него, о чем вы будете жалеть всю оставшуюся жизнь...

Я сделал крошечную паузу, и ее хватило для того чтобы Шан Те встала свой вопрос:

– Но почему вы считаете, уважаемый Сор Кин-ир, что поднять до себя человека «практически невозможно»?

Вопрос прозвучал очень запальчиво, и тем не менее в нем ясно звучала неуверенность. Видимо мое рассуждение задело девчонку.

Я снова улыбнулся с самым дружелюбным видом и пояснил свою мысль.

– Мой учитель нашел очень точный образ для понятия «жизнь», он назвал ее дорогой. Но видишь ли, если ты в течение жизни совершенствуешься – ты идешь трудной дорогой, идешь вверх, в гору. Если же ты проживаешь свою жизнь не думая о самосовершенствовании – ты идешь легкой дорогой, идешь под гору...

Я на секунду остановился в своих рассуждениях и взглядом спросил, поняла ли она меня и согласна ли со мной. Ее легкий кивок выразил понимание и согласие. Тогда я продолжил.

– Теперь представь, что на этой дороге жизни ты оказалась вместе с твоим избранником. Ты выше него, поэтому он должен тебя догонять, а идти надо в гору и путь тяжел. Но ведь и ты не будешь стоять на месте, ты просто не сможешь стоять на месте. Подумай, велики ли его шансы догнать тебя, тем более, что и разгон у тебя изначально более сильный, сможет ли он осилить этот подъем, сможет ли догнать тебя, сравняться с тобой, и, главное, захочет ли?.. А если он предпочтет легкую дорогу... дорогу... под уклон?! Она, ведь, проще, легче!.. А каково будет твое разочарование, когда ты убедишься, что разрыв между вами увеличивается... увеличивается... увеличивается...

Шан Те поднесла ладошку к своим ярко накрашенным губам и смотрела на меня округлившимися, испуганными глазами.

– Теперь ты понимаешь, почему госпожа Имань Фу против твоего увлечения? Ее острый, изощренный ум без сомнения сразу же ясно увидел грозящую тебе беду...

И я отвесил поклон в сторону хозяйки дома.

А та сидела с широко распахнутыми глазами и на мой поклон отреагировала совершенно замечательно. Повернувшись в сторону моего учителя, она громко произнесла:

– Ну, дорогой Ку, твой ученик просто кладезь мудрости! Я таких умных молодых людей еще ни разу не встречала!..

Затем она снова и весьма благосклонно посмотрела на меня и добавила:

– Продолжайте, молодой человек, продолжайте!.. Ваши мысли необыкновенно глубоки и содержательны...

– Благодарю вас, госпожа, – я еще раз ей поклонился и... снова обратился к Шан Те, – Все, только что мною сказанное, уважаемая Шан Те, в полной мере справедливо, для путников, идущих по дороге жизни, и есть только одно, что может опровергнуть эти рассуждения!.. Это...

Тут я сделал драматическую паузу, намертво приковав внимание моих сотрапезников, глубоко, почти с надрывом вздохнул и торжественно произнес: – Это... Любовь!!!

Последовала еще одна пауза, а затем я произнес гимн:

– Только любовь может превратить посредственность в гения, уродство в красоту, ничтожество в высшее существо!! Только любовь способна вселить в человека силы, достаточные чтобы перевернуть мир, добиться невозможного, превзойти самого себя!! Только любви под силу смести со своего пути все препятствия, стать выше мудрости и предрассудков, попать законы и обычаи!!

– Что за глупость он несет!!! – перебил меня визгливый возглас хозяйки дома, – Ку, дорогой, останови своего ученика, иначе он наговорит такого, о чем ты будешь жалеть всю оставшуюся жизнь!!!

Я встал со своего места, отвесил новый поклон Имань Фу и с некоторой укоризной в голосе спросил:

– Разве госпожа не готова на все ради нашего повелителя, Тянь Ши?.. Разве она не отдала ему своего сердца, своей небесной красоты, своей бесконечной преданности? Разве она не посвятила всю свою жизнь его величию?!

Даже сквозь неподвижную белую маску, в которую было превращено личико нашей хозяйки, было видно насколько она ошарашена моими словами. Несколько секунд над столом висело молчание, а затем Имань Фу вдруг пробормотала:

– А!.. В этом смысле... Ну тогда... Конечно... – и вдруг, вскинув заблестевшие глаза, энергично добавила, – Но Тянь Ши никогда не был... э-э-э... садовником!

Я снова поклонился и с величайшим почтением произнес:

– Мне кажется, госпожа, что вы своего избранника смогли бы поднять из любого положения и вознести на любую высоту!..

– И тут я полностью согласен со своим учеником!.. – вмешался в разговор Фун Ку-цзы и тоже поклонился, – Но для того чтобы быть вознесенным надо все-таки обладать определенными качествами!.. А твой... э-э-э... избранник обладает такими качествами?

Он строго смотрел на Шан Те, словно от ее ответа зависела строгость наказания, которое в любом случае ожидало девушку. Однако ответила на этот строгий вопрос хозяйка дома:

– У ее избранника только два хороших качества – смазливая внешность и подвешенный язык, а уж до чего он ленив!!! Я его до сих пор не выгнала только потому что опасаясь, как бы эта дурочка совсем умом не подвинулась!..

И все снова, в который раз, усталились на бедную Шан Те. Тут я понял, что пожалуй пора сметить тему разговора, вот только сделать это надо было достаточно тонко:

– Вот и получается, уважаемая Шан Те, что проблема не в тебе, а в твоём избраннике. Твоя любовь к нему – это может быть и прекрасное чувство, но вот его любовь к тебе?.. Настолько ли она велика, чтобы заставить его идти в гору по дороге жизни, чтобы устремиться за тобой, чтобы стараться... встать рядом?! Не захочет ли он в своем эгоизме, чтобы

ты опустилась до него?! А тогда достоин ли он того, чтобы ты жертвовала ради него своим статусом?!

Я тут же, не дожидаясь ответа окончательно сбитой с толку девчухи, повернулся к весьма довольной хозяйке дома и самым естественным тоном поинтересовался:

– Кстати, я, госпожа, совершенно не понял, что вы имели в виду, когда говорили о выплате дани Желтому Владыке, и как эта дань связана со статусом человека?..

Имань Фу удивленно посмотрела на Фун Ку-цзы:

– Ну, дорогой Ку, твой ученик удивляет меня каждую минуту. То он изрекает мудрейшие мысли, то несет полную околесицу, тут же он эту околесицу превращает в перл мудрости, а затем заявляет, что не знает элементарнейших вещей!!!

Она повернулась в мою сторону и, чуть наклонив голову, спросила:

– Сор Кин-ир, ты откуда взялся?.. Какой ветер занес тебя в Поднебесную?..

Я только виновато пожал плечами.

– Ну, хорошо, слушай... Каждый год в день летнего солнцестояния каждый из жителей поднебесной преподносит Желтому Владыке Дань. Камень-самоцвет! Его величина и качество должны соответствовать статусу подданного, преподносящего камень. Я, например, должна передать в дар Желтому владыке яшму первого класса, или бирюзу второго класса, либо топаз третьего класса, и так по возрастающей...

И она гордо улыбнулась.

– Ну а если у вас, высокомурая госпожа, такого камня не окажется?.. – задал я нескромный вопрос, ответил на который мой учитель:

– Во владениях Тянь Ши имеются... копи... А кроме того, великий Цзя Лянь-бяо владеет самыми богатыми месторождениями драгоценных камней и никогда не допустит, чтобы его... близкие друзья не смогли... подтвердить свой статус!..

Фун Ку-цзы, с самой преданной улыбкой склонился перед Имань Фу, но мне почему-то показалось, что ей не слишком понравилась тирада старика. Она явно очень хотела что-то ответить, но сдержала себя... А мне очень захотелось узнать, что же это такое она хочет скрыть, и потому я слегка подтолкнул ее... откровенность. Имань Фу положила свою лопаточку на скатерть возле тарелки и неожиданно огорченным голосом произнесла:

– Милый Ку, ты, видимо еще не знаешь, какое несчастье постигло нашего благодетеля?..

Фун Ку-цзы немедленно соорудил внимательно-сострадательную мину, но Имань Фу, к счастью, не заметила эту его гримасу и продолжила:

– Этот... Цзя Шун... этот... самозванец, этот выскочка, самовольно присвоивший себе звание великого мага Поднебесной, откопал в какой-то инкунабуле, которую несомненно у кого-то украл, заклятие, закрывающее... э-э-э... землю... В общем, это такое заклятие, которое закрывает любую дырку в земле. И вот этот... разбойник, наложил свое мерзкое заклятие на копи Неповторимого Цзя!!! Теперь все шахты нашего благодетеля... закрылись, и совершенно невозможно выкопать новые! А ведь ему надо иметь не меньше трех камней высшего класса! – она горестно покачала головой, – Вот на какие низкие уловки пускается этот проходимец, лишь бы повергнуть в прах нашего благодетеля! Ну да ничего, – ее глаза блеснули торжеством, – Ничего... Неповторимый Цзя уже нашел способ внести Дань в этом году, а до следующего праздника Сбора Дани он без сомнения сможет расшифровать наложенное заклятье и развеять ее!!!

Вот теперь для меня стало все ясно!!! Этот маг-прохвост, вместо того чтобы снимать заклятье со своих копей, чего, видимо, он сделать не мог, соорудил переход в мой Мир, на мою Землю, прямиком туда, где можно было разжиться тремя-четырьмя камнями «высшего класса», и «нашел способ внести Дань в этом году». Теперь мне предстояло лишить его этого

способа или... ограбить Желтого Владыку после того, как он получит свою Дань!.. Почему-то первый вариант казался мне... к-гм... более предпочтительным.

Ужин, между тем, похоже, катился к окончанию... Блюдо с местным рисом, судки с соусами и закусками уже убрали, тарелочки нам поменяли, и на столе появились подносы со свежими и вялеными фруктами, высокие графины с вином красного, желтого и зеленого цвета, маленькие тарелочки с небольшими белыми шариками, похожими на... клюкву в сахаре. Шан Те, видимо, довольная тем, что разговор соскочил с обсуждения ее персоны, взяла большое яблоко и начала задумчиво его жевать. Фун Ку-цзы и Имань Фу тихонько о чем-то переговаривались...

Именно в этот момент в зал быстрым шагом вошел сам Тянь Ши. Вид у него, несмотря на всю его осанистость и дородность был весьма растерянным, даже испуганным. Не обращая внимания на собравшуюся за столом компанию, он направился напрямик к Имань Фу:

– Дорогая, представь себе, меня срочно вызывает в свою резиденцию господин Цзя Лянь-бяо, а я даже представить себе не могу, зачем я мог ему понадобиться!.. Тем более что он...

Тут Тянь Ши сконфужено замолчал, но его старшая жена и не собиралась слушать своего повелителя дальше. Уже полученной информации для нее было вполне довольно, чтобы понять в чем состоит дело.

– Наверняка он нашел способ снять заклятие, наложенное этим... извергом, Цзя Шуном и хочет с тобой посоветоваться... – она на секунду замолчала, словно ей в голову пришла совсем уж гениальная мысль, и тут же эту мысль озвучила, – А может быть, ему понадобилась твоя помощь... ну... в составлении контрзаклинания?!

– Да?.. – растеряно произнес Тянь Ши, – Но тон, которым он... пригласил меня к себе, совсем не... Он был... достаточно резок... Я имею в виду тон... – здесь правитель совсем запутался и разом перепрыгнул весь еще возможный разговор, – В общем, я завтра же утром отправляюсь в резиденцию господина Цзя!

В этот момент он наконец обратил внимание на почтительно вставшего из-за стола Фун Ку-цзы и милостиво ему улыбнулся:

– Ты должен извинить меня, учитель, что я не могу выполнить своего дневного обещания, но, поверь, мне сейчас не до лотосов и не до красной луны!..

– Ну что вы, господин, – льстиво произнес старик, – Я был бы рад быть вам полезным... И если вы сочтете это возможным, просил бы вас принять меня в свою свиту, которая будет сопровождать вас к Неповторимому Цзя!

Правитель удивленно воззрел на старика, но и старик смотрел на Тянь Ши... с не меньшим удивлением. Было похоже, что он сказал не совсем то, что собирался!

Точнее говоря, он сказал совсем не то, просто я вдруг сообразил, что таким образом мне не составит труда добраться до логова мерзавца, ограбившего Алмазный фонд, ну а уж там я с ним как-нибудь разберусь! Потому и подсказал своему учителю подходящий текст.

Фун Ку-цзы, несмотря на свой почтенный возраст был достаточно сообразителен, чтобы понять что произошло. Он бросил в мою сторону свирепый взгляд, но слово, как говорится, не воробей... тем более, что Тянь Ши, после первого удивления, неожиданно с энтузиазмом ухватился за предложение старика:

– Дорогой Ку, ты воистину преданный человек!!! Конечно же твои советы и твое присутствие будут мне неоценимой подмогой!!! Твой ученик, конечно же, поедет с тобой?..

– Конечно же... – подтвердил старикан предположение правителя таким тоном, словно собирался расправиться со мной при первом удобном случае. А за моим плечом едва слышимый противный голосок прошептал с довольной смешинкой:

– А ученик его ученика конечно же поедет со своим учителем...

Все в зале довольно заулыбались, кто действительно от удовольствия, а кто по необходимости, но тут все эти улыбки застыли, как замерли и их носители. Милый, ласково-покорный девичий голосок произнес:

– Господин, позвольте и мне сопровождать вас в этой поездке... – и, предупреждая готовую сорваться с уст Имань Фу возмущенную тираду, с милой непосредственностью добавил, – Может приятное путешествие и... разлука позволят мне более трезво взглянуть на свое... чувство и понять, не обманываюсь ли я.

– Конечно, поезжай!.. – немедленно согласилась Имань Фу и довольно переглянулась с Фук Ку-цзы, – Маленькое путешествие совсем тебе не повредит!..

– Тогда я вас оставляю, – гораздо более спокойным тоном заговорил Тянь Ши, – Мне еще надо проверить, как выполняются мои распоряжения о подготовке к отъезду, просмотреть кое-какие бумаги, дать наставления Шу Фу... Желаю вам хорошо отдохнуть, потому что завтра мы выезжаем рано утром!..

И он быстро удалился.

Фун Ку-цзы, еще раз поклонившись вслед ушедшему правителю, повернулся к хозяйке дома и... снова поклонился:

– Госпожа, ты позволишь и нам удалиться... Да и госпоже Шан Те, видимо, надо отдохнуть...

– Конечно, конечно!.. – воскликнула Имань Фу, также поднимаясь из-за стола, – Очень жаль, что тебе, дорогой Ку придется так быстро покинуть наш дом, но я надеюсь, что ваше путешествие благополучно завершится, и вы еще погостите у нас...

Хотя разрешение «удалиться» было дано нам, первыми покинули зал хозяйка и ее подопечная. Только после этого служанка проводила нас из дома во двор, где уже топтался наш провожатый. Следом за пареньком мы двинулись в сторону нашего павильона.

Фун Ку-цзы, немного поотстав от провожатого, тихонько поинтересовался:

– Ну, и зачем ты, негодник, все это устроил?..

– Что устроил?.. – также тихо переспросил я, строя из себя саму невинность.

– Да это... путешествие устроил! – чуть повысил голос старик, – Я же совсем не собирался сопровождать Тянь Ши, это ты меня... заставил!.. И не вздумай отпираться, я видел, как ты шевелил пальцами.

Вообще-то ничем я не шевелил, для моей маленькой проделки вовсе и не надо было «шевелить пальцами», но зачем доказывать старому человеку, что он в чем-то не разбирается. Поэтому я покаянно вздохнул и самым смиренным тоном произнес:

– Учитель, я же тебе говорил, что интересуюсь магическим искусством... Разве мог я упустить такую возможность познакомиться с одним из великих магов Поднебесной?!

– Ха! – довольно воскликнул старик, словно поймал меня на вопиющей глупости, – А с чего ты решил, что таким образом познакомишься с Неповторимым Цзя?! Самое большее, на что ты можешь рассчитывать, так это на знакомство с помощником его третьего метельщика!..

– Почему?! – искренно удивился я.

– Потому что поселят нас в самом заштатном сарае, на третьем дворе усадьбы Неповторимого Цзя, а его третий метельщик по своему статусу слишком высокопоставленная шишка, чтобы лично общаться с нами, и потому пришлет своего помощника!

Я задумался, но не на долго. Решил – вот приедем на место, там и думать будем!

Когда мы дошли до своего розового павильона, наступил вечер, и на темное небо выползла странная, огромная, красная луна. Юань-чу, ожидавшая нас на крыльце дома, поклонилась Фун Ку-цзы и елейным голоском проворковала:

– Свежая постель ожидает вас, учитель... – стрельнув при этом нехорошим глазом в мою сторону.

Поскольку служанка направилась вслед за стариком, чтобы помочь тому, как она выразилась, «отойти ко сну», мне пришлось добираться до своей спальни одному. Открыв дверь, я увидел, что на предназначенном для моей персоны кане, поверх покрывавшей его циновки, лежит какая-то прямоугольная вещица, сплетенная из тоненьких прутиков, напоминающих лозу. Внимательно осмотрев новую деталь интерьера, я осторожно потрогал ее кончиками пальцев и тут же услышал за своей спиной голосок Юань-чу, видимо, уже «уложившей» в постель моего учителя и пришедшей посмотреть, как я справляюсь с подготовкой ко сну.

С хорошо скрываемой усмешкой она произнесла:

– Он не кусается... и не мажется...

Я оглянулся и миролюбиво проворчал:

– Это-то я понимаю, а вот что он такое?..

– А это, господин ученик, подголовник... Во время сна его кладут под голову...

– Вот как?! – удивился я, – Надо же! Первый раз вижу такую подушку!..

– Как, как ты сказал?.. – заинтересовалась Юань-чу, незаметно переходя на «ты».

– В моем... краю то что кладут под голову во время сна называется «подушка» – пояснил я.

– Под ушко... – разделяя слово, повторила Юань-чу и хихикнула, – Очень интересное название!

– Еще интереснее подушка выглядит, – улыбнулся я в ответ и, увидев в ее глазах жгучий интерес, пояснил, – Это вот такой мешок, набитый чем-нибудь мягким – птичьим пером, например, или, еще лучше, пухом.

Девчонка недоверчиво посмотрела на меня и покачала головой:

– Так твоя подушка промнется сразу, а утром шея будет болеть!..

«Ничего бы у меня не болело! – вдруг невесело подумал я, вспомнив свою подушку, – Вот не сунул бы я свой нос в не свое дело, сейчас бы выпивал в теплой компании лауреатов литературной премии МВД России, а завтра, глядишь, уже и домой бы отправился... А теперь вот и не знаешь, когда отсюда выберешься!»

Впрочем, вслух я не сказал, а со вздохом улегся на свой топчан, по-местному называемый каном, сложил руки на груди и закрыл глаза.

– Если господину ученику больше ничего не надо, – проговорила надо мной Юань-чу, – То желаю вам спокойной ночи...

– И тебе того же!.. – проворчал я, и услышал как она тихонько прошла к выходу. Дверь едва заметно скрипнула, и я остался в комнате один.

Я долго не мог заснуть на своем жестком подголовнике и без одеяла, но в конце концов усталость взяла свое.

И в эту ночь мне приснился Первый сон!

Я все так же лежал на своем кане, моя голова покоилась на подголовнике, но надо мной не было потолка, а вокруг меня не было стен. Я смотрел в высокое темное небо, усеянное тысячами звезд, но знал, что мой кан стоит на вершине невысокого холма, посреди равнинной местности, усеянной каменными обломками и поросшей короткой жесткой травой. У подножья холма стлался туман, ядовито желтый, пахнущий плесенью и простудой. Зато у меня, на вершине холма, воздух был сухой и свежий с легким запахом бергамота.

В общем, вокруг меня лепота, а на душе почему-то тревожно, то ли я чего-то не сделал, что-то упустил, то ли боялся, что меня... опустят в низинку!..

Тревога моя постепенно нарастала, сгущаясь чуть ли не до осязаемости, превращаясь в панику, которая вдруг встала рядом с моим каном и что-то такое непонятное прошептала мне на ухо. Я чуть было не вскрикнул, но понял, что... не понял этого легкого шепота, и поэтому начал сам себя успокаивать: «Что ж кричать, если ты не понял сказанного!.. А, может быть, тебя просто похвалили за хорошее поведение!»

Тут я заметил, что звезды над моей головой помаргивают как-то уж слишком многозначительно, и как только я это заметил, они начали довольно быстро передвигаться, выстраиваясь в некую, пока что непонятную фигуру. И вдруг над моей головой прозвучал вполне отчетливый басовитый голос:

– Ты когда здесь появился?!

Стоявшая рядом со мной паника сразу же зашептала что-то быстро и неразборчиво. Я подумал, что вопрос был обращен к ней, и потому промолчал. Однако бас, уже довольно раздраженно повторил:

– Эй, ты, я к тебе обращаюсь, ты когда здесь появился?!!

– Вы это мне?.. – переспросил я, и сам удивился, насколько вызывающе прозвучал мой вопрос.

– А что. Здесь еще кто-то есть?!! – совсем уж свирепо поинтересовался бестелесный бас.

Я повертел головой и убедился, что рядом действительно никого нет... кроме, разумеется, моей паники... Владелец баса ее, видимо не замечал, поскольку эта паника была только моей, так что он, конечно был прав – здесь больше никого не было. Однако мой ответ прозвучал еще более вызывающе:

– Здесь нас двое...

Я не успел договорить, что имею в виду себя и его, он меня перебил:

– Двое?!! Где второй?!!

– Так, ты второй и есть! – нагло ответил я, сам изумляясь своей наглости.

Последовало недолгое молчание, после чего бас прорычал:

– Будешь умничать – сожру!!!

– Чем? – усмехнулся я в ответ, – У тебя ж нет ничего... кроме голоса!..

– У меня все есть!!! – рявкнул бас, а я вдруг подумал, что если он еще немного так поорет, то непременно сорвет себе глотку.

– И имя?.. – добродушно поинтересовался я.

– И имя!!! – рявкнул бас.

– Так почему же ты не представляешься, прежде чем задавать дурацкие вопросы?! – рявкнул я в ответ, резко сменив тон.

Снова последовало недолгое молчание, а потом басовитый голос почти спокойным тоном произнес:

– Ну, если ты такой смелый, я тебе назовусь... Только подумай, ты точно этого хочешь?.. А то потом начнешь скулить... или, еще хуже... обделаешься... Возись потом с тобой, меняй тебе... штанишки!..

– Ах, какие мы страшные! – насмешливо воскликнул я, и неожиданно почувствовал, что моя тревога как-то поутихла, да и стоявшая рядом паника куда-то подевалась, – Ты за своими штанишками, или что там у тебя есть... поглядывай, а уж за собой я как-нибудь сам присмотрю...

– Ну-ну, – буркнул бас, – Тогда реши представиться – Мэнь-Шэнь!!!

Наступило молчание, длившееся целую минуту, после чего я поинтересовался:

– И что, мне уже можно... писаться?!

– А разве тебе не страшно?!! – потрясенно поинтересовался бас.

– Подумаешь – Мэнь-Шэнь, – нагло усмехнулся я, – Меня не так давно Таньгоуй пугали, а тут всего-навсего какой-то Мэнь-Шэнь!..

– Какая, к духам, тань... таньга... оу... ой... Что ты мне клыки заговариваешь! – взревел бас, – Я – Мэнь-Шэнь, и ты должен меня бояться!

– Да с какой стати?! – взревел я в ответ, чем видимо, привел его в некоторое расстройство, что, в свою очередь, еще больше разъярило его.

– Вот я сейчас тебе покажусь, и тогда мы посмотрим, где будут три твои хунь и семь твои по!!!

– Чего мои... три? – изумленно поинтересовался я, – И... семь мои... чего? – добавил я после непродолжительного раздумья, сведя в один вопрос оба неизвестных мне термина.

– Души твои, души! – злорадно ответил бас, мгновенно уловив мое изумление, – Вот только останется ли у тебя хотя бы одна, после того, как ты меня увидишь?! —.

И в тоже мгновение рядом с моим лежащим местом появился здоровенный, метра в три ростом, верзила, разодетый в широченные парчовые зелено-золотые шаровары, подпоясанные тонким плетеным шнурком, и странного вида куртку из того же материала с высоким, стоящим козырем воротником. На огромной башке с совершенно неподвижным, словно нарисованным лицом, красовалась крошечная парчовая же шапчонка с узеньким козырьком, завернутым кверху. Его ножищи щеголяли в сафьяновых, расшитых цветными нитками башмаках с носами, закрученными в тройную спираль, на поясе у него болтался колчан с луком и стрелами, а в ручищах он держал точно такую же жердь с приделанным к верхнему концу кривым мечом, что и багряная охрана дворца правителя, только размером поболее!

Заметив, что я внимательно его разглядываю, верзила чуть наклонился надо мной и гулким басом поинтересовался:

– Ну что, страшно?!

Правда в его голосе не хватало уверенности. Поэтому я довольно спокойно ответил:

– Да, как-то не очень... – и пожал плечами, – У нас на вокзале пострашнее типы попадают...

– У вас... где? – не понял Мэнь-Шэнь.

– Да ладно, – успокоил я его, – Не забивай себе голову... Ты чего от меня хотел-то?

– Я? – удивился верзила.

– Ну не я же!.. – усмехнулся я в ответ, – Ты же с каким-то вопросом сюда явился, да вместо того, чтобы дело делать, начал пугать меня!

После такой моей тирады, даже на его нарисованном лице появилось изумление:

– Я... пугать?.. Да, я... Да, меня... Да тебя...

– Да его, да их... – снасмешничал я, – У тебя что, выхлоп заело?.. Давай говори, чего надо, и мотай отсюда, мне утром вставать рано!..

Мэнь-Шэнь несколько секунд совершенно беззвучно шевелил губами, пожирая меня взглядом, а затем рявкнул, вернувшись к первоначальной интонации:

– Ты когда здесь появился?!!

– И это все, что тебя интересует? – удивился я, – А крику-то, крику! Можно подумать я в Минске улицу на красный свет перешел!..

С наслаждением понаблюдав, как верзила снова принялся беззвучно шевелить губами, я наконец ответил на его вопрос:

– Скоро сутки будут...

Шевеление мгновенно прекратилось, а нарисованные глазки вперились в звездное небо. Верзила негромко зашептал, явно что-то подсчитывая. Минуту спустя его гляделки снова уперлись в мою персону, и он подытожил:

– До праздника Сбора дани осталось... пять дней... Значит ты должен будешь поднести Желтому Владыке... – он оглядел меня пристальным, оценивающим взглядом и закончил, – Тигрит третьего класса!..

– Ага, разогнался!.. – нагло отвечив я на столь наглое требование, и снова его нарисованные губы зашевелились. Однако мне порядком надоело смотреть на унылую физиономию Мэнь-Шэня, его голос был не в пример живописнее! Поэтому я, не дожидаясь, когда он придет в себя, пояснил:

– Я, мой милый, ученик! Вот пусть мой учитель и рассчитывается за меня с вашим Желтым Владыкой!..

– Так что ж ты мне целый цзе голову морочишь!!! – заревел верзила и... пропал. Я повертел головой, но его нигде не было видно, только откуда-то издалека до меня донесся его возмущенный бас: – Ну, мы с тобой еще встретимся...

Он добавил, по-видимому, где именно мы должны встретиться, но я, к сожалению, не разобрал.

Убедившись, что больше никто под этим звездным небом мной не интересуется, я снова улегся на кан, положил голову на подголовник и... уснул.

Глава 4

*Найти хорошего учителя нелегко.
Найти хорошего ученика—стократ труднее.
(Народная, китайская мудрость)*

Разбудил меня, конечно же, милый, с легкой язвинкой, голосок Юань-чу:

– Господин ученик... Господин учени-ик... Господин учитель просил передать, что если вы не появитесь во дворе через десять минут, он будет вынужден отправиться в путь без вас!..

Я открыл глаза и увидел... что в комнате еще темно. Потянувшись, я сонно пробормотал:

– Раз он ждет меня через десять минут, то я могу еще пять минут поспать...

– Но он сказал это полчаса назад, просто я была занята и не смогла сразу к вам заглянуть... – мило проговорила язва-служанка.

Естественно, что уже через секунду меня на кане не было. Прыгая на одной ноге, я лихорадочно впихивал другую в штанину джинсов, пытаюсь одновременно натянуть майку, и при этом хриплым спросонья голосом орал:

– Если бы я был злой, я превратил бы тебя в маленькую зеленую лягушку, а еще лучше в черепаху, которая никуда не поспевает!.. Но поскольку я добрый и ласковый, я желаю тебе, гнуснейшая из служанок, чтобы ты влюбилась в нетопыря и вышла за него замуж и народила ему двенадцать нетопырят!..

– Я не знаю, кто такой... нетопырь, – донесся до моих ушей совершенно спокойный голос Юань-чу, – Но судя по отвращению, звучащему в вашем голосе, это нечто неприятное... Так что смею вас заверить, я ни в коем случае не влюблюсь в... то, что вы назвали... Тем более что я предупреждена!..

Затем раздался короткий стук двери, и я понял, что остался в комнатке один.

Минуты через две и я покинул свою спальню, а спустя еще двадцать секунд, я, ураганом промчавшись по коридору нашего розового павильона, выскочил во двор.

На улице было еще довольно темно и... пусто!

«Та-а-а-к... – подумал я немного растерянно, – Значит, мой дорогой учитель меня все-таки не дождался... Старый...» – прибавил я про себя не совсем приличное слово. Чуть успокоившись и оглядевшись повнимательнее, я слегка удивился отсутствию каких бы то ни было следов на песке, которым была присыпана дорожка перед крыльцом павильона. Ведь если Фун Ку-цзы ушел, то хотя бы следы его ног должны были бы остаться. Я поднял голову, звезды еще не все погасли на чуть засветлевшем небе, а звездочка, стоявшая прямо над мной, так шутейно вдруг подмигнула, что в мою не выспавшуюся голову вдруг закралось страшное подозрение. Тихо поднявшись по ступенькам крыльца, я проскользнул за дверь и неслышно направился в ту сторону, куда, как я помнил, наша служанка провожала учителя. Свернув за угол, я услышал доносившийся из-за ближней двери... храп! Естественно, я заинтересовался...

За тяжелой двойной, украшенной резьбой дверью находилась огромная комната с толстенной циновкой на полу и с самой настоящей огромной кроватью под высоким балдахинном, установленной у дальней от входа стены. Около кровати, на маленьком темном столике горел круглый стеклянный ночник. Плавающий в масле фитилек, едва разгонял предутреннюю темень и, тем не менее, позволил мне вполне отчетливо рассмотреть, что храп издавал мой дорогой учитель, беззаботно почивавший и пока что никуда не собиравшийся уезжать!

«Значит, моя догадка верна!.. – подумал я, – Эта... стерва меня разыграла!..»

И вдруг мне самому стало смешно – действительно, я, должно быть очень комично выглядел, пытаясь надевать сразу штаны, майку и носки. Однако, несмотря на мое гипертрофированное чувство юмора и беззлобность, такая жестокая шутка, как пробуждение меня часа на два раньше требуемого, требовала адекватного отмщения!

Аккуратно прикрыв дверь в покои Фун Ку-цзы, я, ориентируясь по аромату свежей сдобы, вышел к кухне, слабо освещенной крошечной лампой. Дверь была прикрита неплотно, и в образовавшуюся щелку я увидел, что «шутница» сидит спиной ко мне за столиком и со вкусом уплетает свежее испеченные ватрушки, запивая их чаем из огромной чашки. Я тоже очень люблю... ватрушки с чаем. Тихонько протиснувшись в дверь, я подкрался к лакомившейся служанке и негромким, но очень «серьезным» голосом осведомился:

– Вот, значит, почему ты так желала моего срочного отъезда?.. Чтобы схарчить предназначенные мне ватрушки?!

Тонкая рука, как раз поднимавшая чашку ко рту, остановилась на полпути и задрожала. При этом, мне было непонятно – трясется она от испуга или от сдерживаемого хохота!.. Решив, что вторая догадка ближе к истине, я немедленно рассердился:

– Придется мне за это... съесть тебя!..

– Ой, не надо, господин ученик, – тоненьким голосом пропищала Юань-чу, продолжая, не оборачиваясь, поглощать ватрушки и явно издеваясь надо мной.

– Ой, надо, дорогуша!! – тут же ответил ей не менее писклявый голос моего ученика, – Раз учитель решил тебя... откусать, значит, так тому и быть!.. Вот только не знаю, будет он тебя разогревать и мазать маслом или так, всухомятку сжует!..

Чашка со стуком опустилась на столик, и Юань-чу начала медленно оборачиваться ко мне.

Видимо, этот странный, противный голосок если не испугал, то весьма удивил «шутницу», так что медленный, я бы сказал – осторожный ее поворот, дал мне время развить свою шутку. Проведя ладонью перед своим лицом и пробормотав несколько коротких слов заклинания «Не своей Личины», я с довольной улыбкой дождался ее глаз. Наконец взгляд Юань-чу упал на мое преображенное лицо...

И тут она... завизжала!!!

Я думаю, что до главного здания усадьбы это визг, может быть и не долетел – все-таки расстояние было довольно значительным, но половину жителей Цуду он точно разбудил!

Когда воздух в груди Юань-чу кончился, и она поневоле замолчала, снова раздался голосок Поганца Сю:

– И не надо так орать, – недовольно пропищал он, – Он такого плохо модулированного крика твое мясо может коагулировать, и тогда оно станет ну очень невкусным. Неужели ты хочешь, чтобы мой господин все здесь заплевал?! А если хочешь дать выход своим чувствам, то лучше... пой!..

Это простое, казалось бы, предложение просто смело служанку с ее места, Буквально в одно мгновение она оказалась у дальней стены кухоньки. Причем девчонка с такой силой вжалась в эту стену, что я испугался, как бы она не продавила ее и не вывалилась наружу. Поэтому я, от всего сердца желая успокоить бедную девушку, с самым радушным видом... улыбнулся ей...

Окрестности потряс новый взрыв визга, причем, на этот раз в нем, по-видимому, была значительная ультразвуковая составляющая. Немедленно пробудилась вторая половина жителей Цуду, а также все имеющиеся в окрестностях собаки, которые не замедлили сообщить о своем пробуждении отчаянным лаем!

– Если ты заорешь еще раз, – угрожающе пропищал невидимый Поганец, – Мой учитель проглотит тебя целиком, даже не разжевав! Думаешь, это очень приятно, сидеть в полной темноте, постепенно растворяясь в желудочном соке?!

Эти слова дошли до сознания служанки, и она немедленно собралась разразиться новой порцией визга. Судя по вытаращенным глазам, широко распахнутому рту и глубочайшему вдоху, Юань-чу собиралась перещеголять самоё себя! Я совершенно растерялся и не знал, что мне сделать, чтобы ее успокоить, но в последний момент ко мне на помощь пришел... мудрый Фун Ку-цзы. За мгновение до того, как милая девушка собралась испустить новую неповторимую... трель, за моей спиной раздался его заспанный недовольный голос:

– Дорогая моя, ну кто же поет по ночам, да еще так громко?!

Девушка молнией метнулась вдоль стены кухоньки и через мгновение оказалась за спиной учителя. Ухватившись одной рукой за его ночную рубашку, она другой суматошно тыкала в мою сторону, что-то громко, но невнятно бормоча.

Фун Ку-цзы с трудом раскрыл глаза, посмотрел на меня, потом попытался повернуться в сторону Юань-чу, но это ему не удалось, она просто не дала ему это сделать, с невероятной силой удерживая старика между собой и мной. Учитель наконец-то немного проснулся и недовольно проговорил:

– Я ничего не могу понять! Что ты там бормочешь?!

– Посмотрите на это... страшило!!! – удалось более-менее внятно произнести девчонке, – Оно хотело меня... съесть!!!

– Кто хотело тебя съесть?! – изумился Фун Ку-цзы, – Сор Кин-ир... э-э-э... хотело тебя съесть?! И почему... э-э-э... оно... то есть он... страшило?!

Он снова пожелал посмотреть на служанку, и снова это ему не удалось. С невиданной для хрупкой девушки силой она продолжала удерживать старичка лицом ко мне.

– Да какой Сор Кин-ир, – взвизгнула Юань-чу, – Вы что, не видите?! Вот же оно стоит!!!

Старик снова посмотрел на меня сонными глазами и растерянно поинтересовался:

– Слушай, Сор Кин-ир, может, ты мне объяснишь, что с ней происходит?..

Я с самым невинным видом пожал плечами:

– Не знаю, учитель... Я поднялся пораньше, поскольку боялся проспать, и решил спуститься позавтракать, но стоило мне войти на кухню, как она... принялась визжать... Право, не понимаю, что такое на нее нашло!..

– Ничего на меня не нашло!!! – заверещала служанка из-за спины Фун Ку-цзы, – Посмотри на себя в зеркало, так на тебя еще не так «найдет»!!!

Щелкнув пальцами, я развеял заклинание «Не своей Личины», шагнул ближе к свету и одновременно грозно заорал:

– Да ты, я гляжу, зачарована!!! Немедленно закрой глаза!!!

Одновременно я мысленно подтолкнул своего все еще сонного учителя, и тот, неожиданно вырвавшись из рук Юань Ши и повернувшись к ней лицом, внушительно повторил:

– Делай, как тебе сказано!

Служанка охотно зажмурилась, снова вцепившись обеими руками в рукав старика.

Я встал напротив нее и приказал:

– Теперь медленно, осторожно открывай глаза и при этом повторяй: – Спади пелена, спади пелена...

– Спадипелена... спадипелена... спадипелена... – забормотала девчонка, еще плотнее зажмурившись.

– Открывай глаза! – повторил я, но она отрицательно затрясла головой, продолжая бормотать свое «спадипелена»

– Хочешь стать жмуриком!!! – завопил я, – Если ты сейчас же не откроешь глаза, то так на всю жизнь и останешься... зажмуренной!!!

Она немедленно распахнула глаза, и последнее «спадипе...» застряло у нее в горле. Оглядывая комнатенку растерянным взглядом, она с трудом выговорила:

– А... это где?..

– Да не было здесь никого, кроме нас!.. – убежденно воскликнул Фун Ку-цзы. Видимо его убежденность немного успокоила Юань-чу. Однако когда я сделал шаг в ее сторону, она снова спряталась за учителя.

– Я хочу посмотреть на тебя поближе, возможно мне удастся выяснить причину твоего странного наваждения, – внушительно проговорил я, едва сдерживая рвущееся наружу хихиканье.

Служаночка осторожно выглянула, словно проверяя, насколько я серьезен. Видимо мой вид соответствовал ее ожиданиям, потому что через секунду она сама сделала шаг в мою сторону и с ожиданием уставилась на меня.

Внимательно рассмотрев ее личико, протянув руку и помахав ладонью у самого ее носа, я глубокомысленно произнес:

– Ну что ж, мне все ясно...

– Да?.. – с надеждой в голосе отозвалась девушка, – Это... что-то серьезное?..

– Ну, это как сказать!.. – медленно, словно раздумывая о чем-то важном, проговорил я, – Видишь ли, моя дорогая, все зависит от тебя самой... Вернее от твоей способности обуздать собственное... чревоугодие. Вследствие неумеренного употребления по утрам сдобного теста с вкраплением жирного творога и яиц, твое мировосприятие смещается в противоход звездному круговороту, в результате чего в твоём истощенном перееданием мозгу возникают стойкие галлюцинации различного порядка – зрительные, слуховые, обонятельные, осязательные... Я, к примеру, уверен, что сейчас ты чувствуешь странное, почти ласковое прикосновение к... ну, в общем... пониже спины...

В то же мгновение Юань-чу снова пронзительно взвизгнула и одним прыжком отскочила в сторону от Фун Ку-цзы, прикрывая обеими ладонями собственную попку.

– Вот видишь, – назидательно произнес я, мысленно благодаря Поганца Сю, за поддержку, – Теперь ты понимаешь, что именно я имею в виду?..

– По... по... понимаю... – заикаясь, отвечала девчонка, одновременно озираясь по сторонам, – Так что ж мне теперь, значит, и ватрушечку скушать нельзя?..

– Можно, – милостиво разрешил я, – Но помни о возможных галлюциногенных последствиях!..

– Мне тоже хочется ватрушку, – неожиданно раздался гораздо более бодрый голос моего учителя, – И у меня тоже... эти... галлюциногенные последствия... Гляньте-ка!..

Мы с Юань-чу «глянули»...

В стоявшей на столике тарелке еще оставалось штук шесть-семь ватрушек, причем две из них были надкушены, и оба «надкуса» стремительно, но строго по очереди, увеличивались!..

– Ой!.. – пискнула служанка и мгновенно переместилась таким образом, чтобы между ней и надкусываемым ватрушками оказался я.

В этот момент небольшой надкус появился на третьей ватрушке, и мне было вполне понятно, кто сжевывает предназначенный нам с учителем завтрак.

– Ты что это делаешь! – грозно спросил я.

– Ш'есть не ушпею, так фоть наткуфу!.. – раздалось в ответ от стола.

– Вот!.. – вскинулась из-за моего плеча Юань-чу, – Вот тот самый голос, который меня предупреждал!..

– О чем?.. – поинтересовался Фун Ку-цзы, не отрывая взгляда от оставшихся ватрушек.

– О том, что меня съедят!.. – торжествующе пояснила девчонка.

– И ты поверила?.. – укоризненно посмотрел на нее старик, – А ведь взрослая девочка.

«Похоже, учитель тоже понял, кто ватрушки жрет!» – подумал я и, проследовав быстрым шагом к столу, выхватил тарелку из-под невидимой, но жадной ручонки своего ученичка.

– Хватит! – строго рявкнул я, – Лопнешь от переедания!

– Ага!.. – немедленно занял писклявый голосок, – Как мне, так две... три ватрушки много, а как тебе, так целую служанку в самый раз!..

– Великий правитель Тянь Ши – неожиданно раздался от дверей кухоньки могучий бас, – Велел передать учителю Фун Ку-цзы и его ученику, хитроумному Сор Кин-иру, что поезд к Великому магу Поднебесной, сиятельному Цзя Лянь-бяо отправляется через тридцать минут... Великий правитель просит своих гостей поторопиться со сборами!!!

Немая сцена, должен я вам сказать, получилась у нас не хуже, чем у самого Николая Васильевича в его «Ревизоре», конечно, у него было побольше персонажей, но мы трое взяли достоверностью. Вот только длилась наша «пауза» слишком недолго – не знали мои «партнеры» законов театра, уже через пару секунд Фун Ку-цзы испарился из кухоньки, и только его, мгновенно проснувшийся голос долетел до нас издалека в душераздирающей фразе:

– Сор Кин-ир, прихвати для меня ватрушечку!!!

Я укоризненно воззрился на нашу служанку:

– Ну?! Видишь, что ты наделала?! Из-за твоих истерик достойный старичок голодным остался... Не говоря уже про меня!..

– Из-за моих истерик?! – немедленно взвилась служаночка, – Ты бы посмотрел, кто здесь был!!! Твоя... это... лицо по сравнению с... тем... с этим... с которым...

– Не будем переходить на лица! – перебил я, – Тем более на мои! Давай-ка, быстренько, заворачивай ватрушек, и еще, там, чего-нибудь... Мне учителя кормить надо!

И тут Юань-чу как-то сникла и поспешно принялась укладывать в выхваченный из шкафчика мешок оставшиеся ватрушки, вяленое мясо, какие-то баночки и крыночки. Уже через минуту у меня в руках была довольно увесистая торба с харчами, которых должно было вполне хватить для нашего с учителем дорожного завтрака, да и на долю Поганца Сю тоже.

С довольным видом взвесив на руке мешок, я посмотрел на служанку и самым серьезным тоном промолвил на прощанье:

– А с этими твоими... виденьями, – я покрутил растопыренными пальцами около виска, – Надо что-то делать... Иначе они тебя до беды доведут...

Продолжить свою мысль я не смог, поскольку от входных дверей нашего Розового павильона раздался призывный голос Фун Ку-цзы:

– Сор Кин-ир, ты готов, наконец, или нет?!!

– Уже иду, учитель! – крикнул я и бросился к выходу, оставив бедную девушку в полной растерянности.

Во дворе перед входом в павильон нас подждал слуга в темном халате, державший за повод двух оседланных лошадей. Меня это обстоятельство весьма обрадовало, а вот Фун Ку-цзы как-то слишком уж неуверенно подошел к своему «средству передвижения», хотя предоставленная ему лошадка и не выглядела таким неукротимым скакуном. Увидев их обоюдное смущение – в смысле, моего учителя и его лошади, я подошел к обоим и поинтересовался:

– А вы, учитель, на лошадке-то ездить умеете?..

Старик немедленно вскинул голову и гордо отвечивал:

– Я скакал верхом, когда ты еще и ходить не умел!..

Правда еще один взгляд, брошенный на лошадиную спину, сразу уменьшил его гордыню и дальнейшие слова были им сказаны не слишком уверенно:

– Только... понимаешь... езда на лошади требует повышенного внимания и совсем не оставляет времени на... э-э-э... научные размышления!.. Иное дело, когда ты шагаешь пешком – ноги сами собой переставляются, а голова... э-э-э... освобождается для раздумий!..

– И что, – с некоторой, я бы сказал недопустимой иронией, – ваши ноги ни разу не приводили вас в... канаву?..

– Ни разу, – с немедленно вернувшейся гордостью ответил старик, и тут же совсем другим тоном добавил, – И вообще, чем задавать всякие глупые вопросы, ты лучше помог бы мне забраться на... вот это...

И он похлопал ладонью по седлу.

Я, конечно, помог.

Усадив учителя с грехом пополам на его лошадь, я привязал к своему седлу оба мешка, по ходу дела подумав, что можно было бы обойтись и одним, а затем лихим прыжком забросил свое тело в седло и выпрямился, подхватив поводья. В ту же секунду я перехватил взгляд учителя, наблюдавший за мной с неким подозрительным интересом.

– Не удивляйся, учитель, – с улыбкой проговорил я, – Мне пришлось поехать на лошадях, так что верховая езда для меня занятие привычное.

И тут же в моей памяти возникла... фея Годена на своей белоснежной лошадке. Видение было настолько живое, что мне пришлось тряхнуть головой, чтобы отогнать его, не дать тоске снова овладеть моим сердцем.

– Мне будет очень интересно послушать о твоих путешествиях! – заинтересованно воскликнул Фун Ку-цзы, помогая мне отвлечься от невеселых воспоминаний, – Похоже, ты обладаешь самыми разными и... необычными для твоего статуса умениями!

– Да, учитель, ты, как всегда, прав, – поклонился я с седла в его сторону, – Я порой и сам не подозреваю о каких-либо из своих... умений, а оно раз – и тут, как тут! Разбирайся с ним! Пряма таки, теряюсь порой!

– А не надо теряться... – наставительно произнес старик, – Надо обратиться к знающим, опытным людям за пояснением, например ко мне, и тебе все разъяснят, даже то, как пользоваться своим, вновь обретенным умением!..

И он со значением посмотрел на меня.

Разговаривая таким образом, мы неспешно подъехали ко двору хозяйского дома, в котором накануне ужинали, и тут оказалось, что к отъезду готовы... только мы с учителем. Я быстренько выудил из мешка, врученного мне служанкой, несколько ватрушек и предложил Фун Ку-цзы легкий завтрак. Тот с готовностью принял мое предложение, и мы принялись жевать, наблюдая за подготовкой правителя к отъезду.

Во дворе дома царила совершенно невероятная суеда и суматоха. Ржали лошади, верховые под седлами и опутанные какой-то странной сбруей с широкими петлями по бокам, между лошадой носились люди с самой разнообразной поклажей, посудой, одеждой, а также свиньи, овцы, птицы, очень похожие на кур и некие существа, напоминающие... собак, но переругивающиеся громкими голосами и совсем по-человечьи. Приглядевшись, я понял, что это действительно довольно крупные собаки с... человеческими морда... лицами, причем лица эти были весьма серьезны, даже строги!

– Похоже, тебя заинтересовали синсины?.. – спросил Фун Ку-цзы. В его голосе прозвучали едва заметные наставительные нотки, и я понял, что он готов прочитать своему ученику, то есть мне, очередную просветительную лекцию. Поскольку до отъезда, судя по всему, было еще довольно далеко, я согласился ее прослушать:

– Конечно заинтересовали! Я таких... г-м... существ никогда в жизни не видел!..

– Да, это, действительно, довольно редкие животные, – немедленно приступил к изложению своей лекции старик, не переставая жевать ватрушку, – Они водятся в горах отдаленной провинции Сяоян, и настолько умны, что даже умеют говорить по-человечьи! Правда, людей они боятся, хотя очень любят нас ругать и делают это... хи-хи-хи... мастерски!

Создавалось впечатление, что учителя очень забавляла именно способность этих говорливых... собачек к ругани.

– Однажды я видел, как люди провинции Сяоян ловили синсинов! – хвастливо заявил Фун Ку-цзы, и тут же начал рассказ об этой ловле, – Эти существа очень осторожны и, заведя человека, немедленно скрываются. Однако, они, как я уже говорил, любят дразнить и ругать людей. Так вот, чтобы поймать таких животных, люди страны Сяоян пошли далеко в дикие горы и там, в некоей укромной расщелине расставили на камнях несколько кувшинов с красным вином, а около них разложили деревянные чашки, черпаки и... сандалии. Затем люди спрятались и принялись ждать. Наконец показался синсин. Как только он увидел расставленное угощение, он немедленно убежал, но очень скоро вернулся в сопровождении нескольких десятков своих сородичей. И все они немедленно принялись, на чем свет стоит бранить людей, расставивших кувшины и чашки, перебирая их родственников до восьмого колена! Ты, конечно, спросишь, почему они это делали? – мудро улыбнувшись, произнес Фун Ку-цзы, хотя я и не думал ни о чем его спрашивать, а, наоборот, молча и очень внимательно слушал.

– А потому, – ответил старик сам себе, – Что синсины догадывались, что люди расставили им какую-то ловушку, но никак не могли понять, в чем же она заключается!.. Так они и бранились, пока у них у всех не пересохло в горле и им не понадобилось срочно напиться... А в это время аромат вина из открытых кувшинов уже достиг их ноздрей. И тогда самые смелые из них, не переставая ругаться охрипшими голосами, приблизились к вину и, хотя они по-прежнему боялись попасться в ловушку, налили себе по чашечке, потому что жажда становилась невыносимой. Менее отважные, увидев, что их сородичи спокойно попивают себе что-то очень вкусно пахнущее и ничего с ними не делается, тут же присоединились к смельчакам, и у них началась самая отчаянная попойка, какую только мне приходилось видеть! И вот, утолив жажду, а вернее напившись допьяна, синсины обнаружили валявшиеся рядом с кувшинами деревянные сандалии. Они немедленно нацепили обувь на ноги и принялись прохаживаться, продолжая ругать людей и заявлять, что ничем их не хуже – даже и с людской обувью вполне управляют. Вот только на ногах они уже еле держались, так что выскочившие из засады люди почти всех их переловили, ведь убежать в сандалиях синсинам было очень трудно!

Тут старик так посмотрел на меня, что я сразу засомневался – то ли он и вправду участвовал в ловле этих... синсинов, то ли сходу придумал занимательную историю, чтобы подурочить недалекого деревенщину.

– Зато, если синсин привыкает к человеку, найти друга вернее просто невозможно! – закончил Фун Ку-цзы свою историю.

Я с глубоким уважением покивал, изображая понятливого ученика, а затем снова оглядел двор.

Пока мой учитель травил мне анекдот про говорящих собачек, «броуновское» движение во дворе пришло к некоему порядку. На верховых лошадях появились всадники, несколько лошадей было нагружено поклажей, а в показавшиеся мне странными упряжные петли самой рослой четверки были продеты длинные жерди, на которых расположилось некое подобие крытого паланкина, явно предназначенного для дамы. В тот же момент появилась и сама дама – ни кто иная, как малышка Шан Те. Она была одета в скромный, и тем не менее, роскошный дорожный костюм, состоявший из атласных, лимонного цвета шаровар, белоснежной, с широкими и длинными рукавами рубашки и коротенькой курточки, скорее даже, жилетки из темно-вишневого плотного бархата, расшитого цветной нитью. На ногах у младшей дочери четвертой наложницы повелителя уезда красовались бархатные же, украшенные шелковой вышивкой туфельки, а на голове крошечная шапочка с довольно длинным пером. Ее длинные, густые иссиня-черные волосы были уложены замысловатым узлом на шее, под шапочкой. Личико Шан Те на этот раз не было накрашено и выглядело совсем юным и... открытым.

Один из здоровенных телохранителей правителя встал перед конным паланкином на четвереньки, и юная дева, наступив ему на спину, со спокойным достоинством поднялась на свое место. Следом за ней в паланкин незаметно юркнула еще одна женщина, одетая просто и неброско, видимо служанка. Шелковые шторки немедленно были задернуты.

И в тоже мгновение весь поезд принял стройный, упорядоченный вид. Впереди расположились пятеро одетых в багряные халаты конных всадников. Каждый из них держал в руках длинный цзи, боевой трезубец, а к их поясам были пристегнуты простые прямые мечи семейства цзянь. Признаться, мне самому захотелось ощутить на своем поясе такую железку, она придала бы мне гораздо больше уверенности. За этой внушительной пятеркой на прекрасном вороном жеребце гарцевал сам Тянь Ши, а рядом с ним я неожиданно увидел верхом на невысокой, смирной лошадке толстяка Шу Фу в простом синем халате и с мечом у пояса. Выглядел он, надо сказать весьма комично, потому что пытался изобразить из себя классного наездника и рубаку. То и дело советник правителя принимал горделивую осанку и со значительным видом укладывал ладонь на рукоять меча, однако, тут же снова хватался обеими руками за поводья и наклонялся вперед, чуть ли не ложась на шею лошади.

Следом за этой парой пристроилось еще трое гвардейцев, а за ними конный паланкин Шан Те, управляемый слугой, сидевшим верхом на одной из передних лошадей. Позади группы маячили еще пятеро воинов в багряных халатах.

Когда кавалькада покидала двор дома, правитель увидел нас и махнул рукой моему учителю, предлагая присоединиться к нему. Я же, поскольку такого предложения не получил, пристроился позади паланкина, втиснувшись между ним и замыкающими поезд гвардейцами.

Кавалькада, сопровождаемая по обеим сторонам несколькими синсинами, свернула на одну из парковых аллей и направилась к выходу из усадьбы. Аллея эта, как и все аллеи небольшого парка правителя уезда, была неширока, а потому паланкин едва вписывался в ее повороты, особенно в тех местах, где края дороги были обсажены высокими, сильно разросшимися кустами. Впрочем, как оказалось, возница этого странного экипажа был весьма искусен, так что сидящих внутри паланкина девушек вряд ли беспокоила недостаточная ширина дороги.

Через несколько минут поезд правителя выбрался на улицу селения, которая оказалась нее намного шире аллеи парка. Но и здесь паланкин прошел без задержки, хотя мне очень часто казалось, что он вот-вот застрянет между домами. Когда же мы покинули селение, я совершенно успокоился, теперь, как мне казалось, нашему путешествию ничто не могло помешать.

Стояло раннее утро... самое настоящее земное утро! Солнце еще не поднялось, воздух был свеж и чист. Дорога плавными изгибами уходила к горизонту между зеленеющих лугов, раскинувшихся по склонам пологих холмов. Далеко справа, внизу, серебром проблискивала полоска текучей воды. Крыши Цуду довольно быстро скрылись за холмом, и теперь наша, как оказалось, довольно небольшая компания двигалась в полном одиночестве. Копыта лошадей выстукивали бодрую дробь по слежавшейся за ночь серовато-бурой пыли, выплескивавшейся из-под них маленькими фонтанчиками. Впереди, перед закрывавшим мне обзор паланкином, слышался довольно громкий разговор, причем, судя по всему, главную роль в нем играл Фун Ку-цзы, однако, я был доволен, что не участвую в этой беседе – именно сейчас мне хотелось одиночества.

С полчаса я любовался окружающей спокойной красотой, и вдруг почувствовал, что за мной кто-то пристально наблюдает. Я снова оглядел окрестности, на этот раз внимательно вглядываясь в детали, но ничего необычного не увидел. И в этот момент из-за моего плеча раздался тихий шепоток Поганца:

– А в задней стенке девчачьего насеста глазок имеется...

Я даже не сразу понял, о чем это он толкует, и только секунду спустя, словно бы невзначай, но пристально оглядел задок повозки. Действительно, в полуметре от нижней перекладки, ближе к правому краю в обтягивающей паланкин ткани, действительно, имелось небольшое отверстие. Мне даже показалось, что я разглядел темный глаз, прильнувший к этому отверстию.

Меня разглядывали!.. «Ну что ж, – решил я про себя, – Пусть рассматривают, дырку во мне не проглядят!» Однако, несмотря на такое решение, мне стало как-то неуютно. Я совсем уже вознамерился обогнать этот «девчачий насест» и присоединиться к своему учителю, как вдруг верхняя часть задка повозки откинулась и оттуда выглянуло личико Шан Те.

Она посмотрела а меня, затем обернулась вглубь повозки и что-то сказала своей служанке. Обе рассмеялись. Потом она снова повернулась в мою сторону и с легкой улыбкой произнесла:

– А господин ученик, похоже, опытный наездник...

Я улыбнулся в ответ и с легким поклоном проговорил:

– Сударыня, вы очень наблюдательны, мне действительно приходилось ездить верхом, так что я достаточно хорошо знаю искусство управления лошадьми.

– Но разве варвары знакомы с седлом?.. – делано удивилась она.

– А почему вы решили, что я принадлежу к варварам? – ответил я вопросом на вопрос, – Может быть из-за моей прически?..

В глубине паланкина опять негромко прыснули, Шан Те мило улыбнулась и покачала головой:

– Нет, как раз прическа у тебя вполне цивилизованная, а вот твои... тапочки... Они навевают мысль о неких диковинных животных, живущих исключительно в варварских краях.

Я опустил голову и посмотрел на свои кроссовки. Они, действительно, не слишком хорошо гармонировали со стремянами и мало походили на сапоги, которыми, как я заметил, щеголяли все остальные наездники, кроме, разумеется, моего учителя. Снова взглянув на девушку и покачал головой.

– Разве разумно делать заключения о человеке, основываясь на фасоне его обуви?

– Но если я буду основываться на твоём... внешнем виде, – на мой взгляд, слишком уж лукаво проговорила Шен Те, – Я сделаю вывод, что ты не ученик знаменитого наставника, а... главарь бандитской шайки...

В глубине паланкина опять громко фыркнули, и я вдруг подумал, что дочь повелителя провинции слишком много позволяет своей служанке. Однако, не подавая вида, что мне не слишком понравилась такая аттестация моего... «внешнего вида», я улыбнулся и ответил с самым довольным видом:

– Благодарю вас, сударыня, вы здорово повысили меня в звании!..

– Как это? – не поняла Шан Те.

– До сих пор меня называли просто бандитом или бандитской харей, а вы произвели меня в ранг главаря!.. Еще раз прошу принять мою огромную благодарность!..

И я ощерился в своей самой лучезарной улыбке.

Шан Те с не менее широкой улыбкой смотрела на меня, явно пытаясь понять, насколько я искренен в своей благодарности, и не зная, что мне на нее ответить. И тут, чуть ли не из-под копыт моей лошади раздался резкий, басовитый, и при этом очень тихий голос:

– Смотри, смотри, как этот... главарь ощерился!.. У-ав! Все свои сорок шесть зубов наружу выставил!..

Я быстро опустил глаза и увидел, что рядом с копытами моей лошадки не спеша трусит огненно рыжий синсин, кося одним глазом в мою сторону.

– Ну да, – тут же послышалось с другой стороны, – Принцессу завлекает! Очень понравиться хочет... А сам ведь в другую влюблен!

Я ошеломленно повернул голову и с другой стороны от лошади увидел другого синсина, иссиня-черного цвета. Этот бежал также неторопливо, но при этом, задрав голову вверх, не сводил с меня серьезного, осуждающего взгляда.

Именно этот нехороший взгляд подтолкнул меня на ответ:

– А откуда ты взял, что я в кого-то влюблен?!

– Ой, какая тайна!.. – негромко и очень презрительно твякнул синсин, – У тебя это на физиономии написано!

– А вот принцесса, – употребил я титул, который применил сам синсин к Шан Те, – считает, что на моей физиономии написано, что я бандитский главарь!

Синсин внимательно всмотрелся в мое лицо и, как мне показалось, вздохнул:

– У тебя физиономия очень влюбленного бандитского главаря... – согласился он с Шан Те и, чтобы не опровергнуть самого себя, добавил, – Но влюбленного отнюдь не в принцессу!

– О чем это вы, господин ученик, шепчетесь с Гвардой?..

Я поднял голову. Шан Те продолжала улыбаться, но на ее личике читалось неприкрытое любопытство.

«Ну, девчонка, – подумал я, – Сейчас я похихикаю, не все же вам надо мной смеяться!»

– Да вот, – как можно безмятежнее проговорил я, – Синсин обвиняет меня в том, что я хочу... э-э-э, понравиться вашей милости, хотя люблю совсем другую...

Шан Те мгновенно покраснела и перевела взгляд на черного Гварду, однако тот продолжал бежать рядом с моей лошадью, сохраняя самый невозмутимый вид.

И тут из паланкина выглянула смешливая служанка. Бросив быстрый взгляд на свою госпожу, она сурово свела свои непомерно густые брови и неожиданно низким голосом спросила:

– А ты в самом деле хочешь понравиться моей госпоже?..

– Ну конечно!.. – ответил я, словно это было само собой разумеющимся.

– Так что ж ты в другую-то влюблен?! – возмутилась служанка, – Это разве порядочно?!

– Так она тоже в другого влюблена!.. – с усмешкой ответил я.

– Но она и не старается тебе понравиться! – резонно заметила служанка, на что я не менее резонно ответил:

– Да?! Ты точно это знаешь?!

Шан Те после такого моего заявления вспыхнула, как маков цвет, прощу прощения за избитое сравнение, и мгновенно исчезла в глубине своей оригинальной повозки. Зато служанка, оказавшаяся, при внимательном рассмотрении, особой в возрасте, и не подумала прятаться. С минуту она тарасилась на меня, словно я произнес нечто совершенно невозможное, а потом ее прорвало:

– Ах ты, рожа бандитская!!! Ах ты, коровий выкидыш, псами пережеванный!!! Твой поганый язык надо вырвать и скормить гуи, чтобы они тебя триста тысяч лет по Поднебесной гоняли и сдохнуть не давали!!! Да за такие твои слова, тебе мало вырвать печень, вырезать почки и раздавить мочевой пузырь, да за такие слова с тебя стоит содрать шкуру и сделать из нее барабан для деревенского шамана, а мясо твоё засолить в бочке и пустить по Круговому Океану!!! Да я сейчас сама выцарапаю твои бесстыжие глазищи и откушу твои лопухи, что б тебе было неповадно всякую дрянь с языка спускать!!!

Тут она действительно сделала попытку перелезть через задок возка, но ее остановила моя новая насмешка. Я чуть наклонился в сторону черного синсина, трусившего рядом с моей лошадью, и, поглядывая в сторону разбушевавшейся служанки, громко проговорил:

– А что, Гварда, эта тетенька, пожалуй, тебя перетявкает!..

Гварда быстро взглянул в сторону замершей у задней части возка служанки, и совсем по-человечьи кивнул своей черной собачьей башкой:

– Эта? Эта может... Да я с ней и связываться не собираюсь...

– Ах ты, песья морда!!! – немедленно взвилась «тетенька», – Это ты-то со мной связываться не собираешься?! Да если ты со мной связаться надумаешь, я тебе лапы-то вмиг поотрываю и в укусе замочу!!! Да я из твоей черной шкуры коврик для уборной сделаю!!! Ты меня надолго запомнишь, шкура блохастая!!!

– Как ты думаешь, что может надолго запомнить коврик для уборной? – глубокомысленно поинтересовался я, обращаясь к Гварде и совершенно игнорируя вопящую мегеру.

Синсин задумчиво поднял голову к светлому небу и коротко твякнул:

– Запахи...

Видимо, этой языкастой бабе все-таки было свойственно художественное воображение, поскольку после короткого и точного ответа Гварды, она мгновенно умолкла, а затем ее физиономия скривилась, и она исчезла в глубине паланкина. Через секунду оттуда донеслось ее возмущенное кудахтанье, короткий и довольно резкий ответ Шан Те, и... наступила тишина. Даже впереди, в компании правителя Тянь Ши все почему-то замолчали.

В наступившей тишине, нарушаемой лишь глухим звуком лошадиных копыт, топтавших слежавшуюся пыль дороги, вдруг послышался едва слышный, легкий и какой-то... ломкий шелест. Я поискал глазами его источник и буквально в нескольких метрах от дороги увидел несколько еле заметных, расплывчатых теней, переливающихся радугой, наподобие мыльных пузырьков. Они проносились мимо нашей кавалькады, словно уносимые ветерком, вот только... никакого ветерка не было! Наоборот, все вокруг замерло, застыло, замолчало... Только этот едва слышный шорох и радужный пролет крылатых теней! И тут мне показалось, что я узнаю эти тени, что совсем недавно я видел нечто подобное, только в более плотном, более... осязаемом виде... В этот момент одна из теней повернула вдруг появившуюся головку и посмотрела прямо на меня живым, празднично блеснувшим глазом!

Я наклонился в сторону бежавшего рядом Гварды и прошептал:

– Смотри, луаньяно летят...

Синсин вдруг подпрыгнул, как будто мое тихий шепот его страшно напугал, и быстро завертел головой. Через секунду он посмотрел на меня и неожиданно тихо переспросил:

– Где?..

– Да вот же!.. – чуть громче ответил я и кивнул в сторону улетающих вперед радужных птиц.

Гварда посмотрел в указанном направлении, но, по-видимому ничего не увидел. Снова обернувшись в мою сторону он прошептал:

– Ты их хорошо видел?.. Это точно были луаньяно?!

Но при этом в его голосе было столько тревоги, что я удивился, однако ответил вполне уверенно:

– Конечно они... Правда, сейчас они почему-то... прозрачные и... переливаются. В приемной у правителя, где я видел их в первый раз, они были... натуральнее.

Синсин снова посмотрел в указанном мной направлении, но по выражению его лица я понял, что он птичек не видит. Они действительно улетели уже довольно далеко вперед, так что и сам я различал их, как некое прозрачное, слегка переливающееся всеми цветами радуги, облачко.

– Они уже далеко... – попробовал я успокоить Гварду.

Он снова посмотрел на меня, и в его глазах я увидел... тоску.

– Что-то не так?.. – встревожено спросил я.

– Если луаньяно действительно улетели... – прошептал синсин, – Миру в Поднебесной конец...

– Я смотрю, вы, господин ученик, очень сдружились с моим синсином! – неожиданно раздался голосок Шан Те. Она снова выглянула из своего паланкина и с улыбкой наблюдала за нами, – Опять вы с ним перешептываетесь!

Я улыбнулся в ответ и попытался галантно поддержать разговор:

– Просто, принцесса, я заметил...

Но мне не дали договорить.

– Просто он заметил, что мы могли бы ехать и побыстрее, – перебил меня Гварда своим, чуть напоминающим тявканье, голосом, – А я ему возразил, что торопиться нам особо некуда.

А когда я удивленно опустил не синсина глаза, тот едва слышно прошептал:

– Не надо ее пугать улетевшими луаньяня... Может быть нам ничего и не грозит!..

– Конечно, нам некуда торопиться, – подтвердила слова Гварды Шан Те, – Если даже мы и приедем к месту ночлега немного раньше, время нашего пути это нисколько не сократит.

В этот момент ее служанка что-то проворчала, и Шан Те скрылась в глубине паланкина.

Солнце поднялось уже довольно высоко, и мне подумалось, что, наверное, пора было бы остановиться и слегка закусить – все-таки наш завтрак был крайне легким. И действительно, не успел я подумать о более плотном завтраке, как впереди послышался зычный голос:

– Повелитель! Завтрак накрыт и ожидает тебя!

«Интересное дело!.. – мелькнула в моей голове нехорошая мысль, – Повелителя ожидает завтрак... а меня?!»

Но оказалось, что завтрак ожидает буквально всех.

Наш поезд остановился, и я увидел на обочине здоровенную телегу, а рядом с ней четверку распряженных и стреноженных лошадей. На милой чистенькой лужайке, раскинувшейся в десятке метров от дороги, и тянувшейся до самой опушки густого и выглядевшего совершенно диким леса, был расстелен огромный ковер, уставленный самой разнообразной снедью и напитками. Совсем рядом тлел прогоревший костер, над которым был установлен здоровенный котел, в котором что-то весьма заманчиво побулькивало, а до моего носа доносился аромат вареного мяса, сдобренного специями. Все путешественники следом за правителем Тянь Ши покинули седла, лошадей немедленно отвели в сторону и оставили под присмотром троих стражников. Остальные воины встали вокруг ковра, правда довольно далеко от места трапезы, так чтобы не мозолить глаза завтракающим господам. Все сопровождавшие нас синсины собрались метрах в пятнадцати от ковра и один из стражников принялся их кормить.

На травке рядом с ковром стояло четверо слуг с полотенцами в руках, а рядом с ними еще один слуга, удивительно высокий и толстый, поставив рядом с собой огромный глиняный широкогорлый кувшин и вооружившись здоровенным ковшом, приготовился помочь господам вымыть руки.

Первыми совершили омовение правитель Тянь Ши и его дочь, за ними советник Шу Фу, ходивший как-то странно – боком и чуть приседая, за советником последовал Фун Куцзы, а последним был я. Воды мне досталось вдоволь, а вот чистого полотенчика не досталось совсем, так что пришлось попользоваться уже влажным. Правде я умело выбрал полотенце Шан Те, справедливо рассудив, что девчушка в дороге «запылилась» меньше всех.

Когда я скромно и неторопливо подошел к столу, все остальные уже расселись. Тянь Ши, естественно, занял место во главе, то есть на самом высоком месте, по правую руку от него расположилась Шан Те, толстяк Шу Фу, как я заметил, попытался усестись рядом с девушкой, но у него ничего не получилось, поскольку правитель молча указал ему на место слева от себя. Мой почтенный учитель присел аккурат напротив правителя, аккуратно уло-

жив свой чань бо рядом, так что я никак не мог определиться со своим местом, поскольку, где бы я ни сел, мне пришлось бы нарушить удивительно гармоничное расположение завтракающих. Однако мой учитель быстро развеял мои сомнения, указав мне место... позади себя. Как послушный ученик, я опустился там, где мне было указано, правда, чуть сбоку, так, чтобы мне были видны все завтракающие. Уже усевшись, я сообразил, что со своей «галерки» смогу дотянуться далеко не до всех кушаний, стоявших в центре ковра.

Но я напрасно беспокоился, кушанья и напитки нам стали подносить слуги, так что на мою долю досталось все то же самое, что и всем остальным. А вот Шан Те кормила ее служанка и при этом весьма тщательно обнюхивала каждое блюдо, чуть не погружая в него свой длинный тонкий нос. Разговор за трапезой касался в основном различных философских и космогонических вопросов и велся между правителем и учителем. Шу Фу так же принимал в нем участие, но ограничивался преимущественно восхвалением мудрости своего повелителя.

– Я не могу согласиться с тобой, повелитель, – громко и как-то размеренно, словно читая лекцию «под запись», проговорил Фун Ку-цзы, по-видимому, продолжая начатую ранее мысль, – Согласно древнему гай тьянь шо – учению о Небесном покрове, наш Мир имеет квадратную форму и покоится на месте, тогда как Великое Небо, накрывающее Мир, словно огромная чаша, вращается подобно гигантскому колесу, неся на себе все небесные светила, которые, в свою очередь, и сами передвигаются по этой небесной чаше. Именно поэтому Желтый Владыка и назвал наш Мир Под...небесной!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.